

Франциск. Прыпавесць.

Послесловие XXI века.

«Понеже от прирождения звери, ходящая в пустыни, знают ямы своя, птицы, летающие по воздуху, ведают гнезда своя; рыбы, плывающие по морю и в реках, чуют виры своя; пчелы и тым подобная боронят улье своих, — тако ж и люди, и где зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають».

Франциск Скорина.

Действующие лица

(в порядке появления на сцене):

Франциск Скорина.

Каштелян Познаньский, граф Гурка.

Мать Франциска Скорины.

Лука Скорина, отец Франциска.

Иван Скорина, брат Франциска.

Студент-земляк, впоследствии **Мартин Онков**.

Лицензиат медицины, поляк.

Бакалавр из Киева.

Корчмарь краковской корчмы.

Малгожата, возлюбленная Франциска.

Прохожий, в последствии **Ян Северин**, чешский печатник.

Девка из Краковской корчмы.

Доктор Фаддей Муссати, вице-приор святой коллегии Падуанских докторов.

Секретарь святой коллегии Падуанских докторов.

Епископ Аргелисский Пауло Забарелло, фигура без слов.

Доктора Падуанского университета, фигуры с множеством неразборчивых слов на латыни.

Магистр Варфоломей Баризон, доктор искусств и медицины из Падуи.

Еська, слуга в доме Богдана Онкова в Вильно.

Богдан Онков, отец Мартина, меценат Франциска.

Якуб Бабич, найстарший бурмистр Вильно.

Юрий Одверник, Виленский купец, друг Франциска.

Печатник Пётр.

Исаак, иудей.

Франтиска, возлюбленная Франциска.

Маргарита.

Ян, Виленский католический епископ.

Охранник познаньской тюрьмы.

Симеон Скорина, сын Франциска.

Паоло, каменотес.

Павел Северин, сын Яна Северина.

Познань. Тюрьма. (Весна 1532-го года от рождества Христова).

КАШТЕЛЯН (*просматривает бумаги, лежащие перед ним на столе*). Матка Боска, Ченстоховска... Уховай Божэ... Почему, ну почему я должен заниматься всякой ерундой... Двести шесть коп грошей... Двести шесть коп грошей... Двести шесть... на шестьдесят... Сколько это в сумме, купец?

СКОРИНА. Я не купец.

КАШТЕЛЯН. Как это не купец, если наплодил столько долгов?

СКОРИНА. Я доктор медицины.

КАШТЕЛЯН. Не купец он...

СКОРИНА. И доктор вольных искусств.

КАШТЕЛЯН (*почти не слушая, продолжает изучать бумаги*). Буг ми съвядем: вся беда от этих ваших искусств, слишком вольных... Еще с какими-то жидами связался... (*Читает. Пауза.*)

СКОРИНА. Осмелюсь поинтересоваться причиной заключения под стражу. Также прошу довести до моего сведения, согласно какого указа и за чьей подписью сие противоправное, как мне представляется, деяние произведено. Надеюсь на скорейшее выяснение всех обстоятельств случившегося недоразумения и возвращение мне законной свободы.

КАШТЕЛЯН (*после паузы, в которой долго смотрит на Скорину*). А попроще нельзя? Ты не на университетской кафедре, купец.

СКОРИНА. Вы меня не поняли?

КАШТЕЛЯН. Да понял я тебя, купец, понял, тоже кое-где учились. Только не строю из себя доктора всех наук. Риторика-диалектика-математика! Искусства, тыфу! Ты вот заготовь дров и провизии на всю зиму для Познаньского замка – вот это, тебе скажу, искусство! Ты при посполитом рушении попробуй собрать на войну нашу шляхту! Это тебе не риторика какая-нибудь с диалектикой!.. Так сколько будет двести шесть на шестьдесят, математик?

СКОРИНА. Двенадцать тысяч триста шестьдесят грошей.

КАШТЕЛЯН (*после паузы*). Ну, это каждый купец сможет. Деньги считать – вы мастера. И обсчитывать нашего брата, каштеляна, умельцы.

СКОРИНА. Могу я ознакомиться с указом?

КАШТЕЛЯН. Дойдет дело и до указа.

СКОРИНА. В противном случае я имею право подать жалобу.

КАШТЕЛЯН. Кому, купец?

СКОРИНА. Бурмистру, воеводе. Даже самому королю Польскому.

КАШТЕЛЯН. Королю, говоришь... (*Подумав, протягивает Скорине бумагу*.) Надеюсь, умеешь не только считать, но и читать, купец Франтишек Скориныч?

СКОРИНА (*читает вслух*). «Сигизмунд, божьей милостью король польский, великий князь литовский, русский, прусский, мазовецкий и прочее, господарь и дедич»... (*Далее пробегает указ глазами, опускает бумагу*.)

КАШТЕЛЯН. Кому пойдешь жаловаться, Папе Римскому? Господу Богу? О, Езус Христус похвалёны, вырви мой грешный язык!

СКОРИНА (*в недоумении*). Указ Сигизмунда первого...

КАШТЕЛЯН. Обрадовались, что тюрьма прямо с Познаньском замке! Нашли крайнего – каштеляна! У меня с этим замком и без того забот – полный рот: то там заваливается, то тут осыпается. Так еще этот на мою голову навязался... Нечем мне больше заняться, как выбивать... (*Заглядывает в бумагу*.) двести шесть коп грошей из какого-то бродяги-русина! Я – второе лицо в Познаньском воеводстве, между прочим. Что за должность! Никакого порядка в стране, никто не хочет ничего делать. Только воруют, воруют, воруют... А каштеляну расхлёбывай за всех... (*После паузы, Скорине*.) Отдавать жидам эти... Вот, проклятая память... (*Заглядывает в бумагу*.) Двести шесть коп грошей сразу будешь, или немного посидишь-подумаешь?

СКОРИНА (*весь в своих мыслях*). Указа самого короля...

КАШТЕЛЯН. Короля, короля... А то бы возился я тут с тобой, купчишка!

СКОРИНА. Я – доктор медицины и доктор вольных искусств.

КАШТЕЛЯН. Ясно. Значит, будем сидеть.

Полоцк. Дом купца Луки Скорины. (Начало 16 века).

МАТЬ. Выслушай, выслушай его, Лука!

ЛУКА. Мать, перестань защищать этого лоботряса! Я много лет шел у тебя на поводу, но сегодня слушать будешь ты, а решать буду я!

СКОРИНА. Отец, передо мной откроются большие возможности.

ЛУКА. Перед тобой, перед тобой, перед тобой! Ты думаешь только о себе. И мать тебе потакает.

МАТЬ. Выслушай его, Лука!

ЛУКА (*Матери*). Без тебя разберемся! (*Скорине*.) Перед тобой-то, может, и откроются, а передо мной – словно пустыня разверзлась!

СКОРИНА. Отец...

ЛУКА. Не перебивай. И слушай внимательно. Красноречием я не обладаю, болтать языком – не моя профессия, я всего лишь купец. Это ты в свои юные годы научился всяким заумным словам и позволяешь посмеиваться над старым отцом.

МАТЬ. Да когда это он...

ИВАН. Отец, клянусь, он даже в мыслях...

ЛУКА. Я сказал: не перебивайте. Пусть слушает и запоминает. (*Скорине*.) Мне нечего стыдиться, я всю жизнь трудился, тяжело трудился: вот этими мозолистыми руками таскал-перетаскивал юфтевые, чимшевые и рысьи шкуры, ливонские ткани и русскую пеньку. Всю жизнь я надеялся, что ты со старшим братом – слышишь меня, Иван? – продолжишь наше фамильное дело. Оно не с неба свалилось: твой дед оставил его мне, а деду завещал твой прадед. Чтобы сегодня через мои руки текли все эти проклятые гроши, шиллинги, марки, талеры и флорины, твои предки положили свои жизни! А теперь их потомок заявляет, что ему плевать на семью, на отцовское дело, на родной дом, на землю, где родился!

МАТЬ. Лука, ну когда он такое говорил?

ЛУКА. А как понимать его «уеду-уеду»? Для кого я построил этот огромный дом? Кто в нем будет жить после моей смерти? Я мечтал, чтобы здесь бегали мои внуки, чтобы мой сад был наполнен детскими голосами, чтобы яблоки с посаженных мною яблонь собирали мои потомки. Чтобы на мою могилу хоть иногда наведывались мои сыновья, чёрт бы тебя побрал!

СКОРИНА. Брат Иван остаётся с вами в Полоцке.

ЛУКА. Иван-то остаётся... Хоть один нормальный уродился. А ты в кого?

МАТЬ. В кого – в кого? В тебя, в кого же! Такой же твердолобый. Разъякался тут!

ЛУКА (*растерялся*). Почему это я – твердолобый?

МАТЬ. Конечно. Заладил одно и то же! Ну что ты ему про семейное дело? У него – свой путь. Разве ты не мечтал по молодости уехать в Вильню? Сколько меня уговаривал после свадьбы!

ЛУКА. Вильня – литовская столица! И я хотел не просто уехать, а развернуть там отцовское дело.

МАТЬ. А ему неинтересно твоё дело.

ЛУКА. А что ему интересно?

СКОРИНА. Изучить искусства, стать доктором.

ЛУКА. Мы – потомственные купцы! Какие еще искусства?

ИВАН. Вольные.

СКОРИНА. *Septem artes liberales*.

ЛУКА. Выучил, на свою голову, умника! И что это за искусства такие, позвольте поинтересоваться старику?

ИВАН. Грамматика, диалектика, риторика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия.

Длительное молчание.

ЛУКА. Он будет там канты распевать, бренчать на лирах-цимбалах и звезды считать, а мы с Иваном – шкуры дубить. Мать, что ты сейчас хочешь сказать?

СКОРИНА. Отец, перед ученым человеком нынче открываются большие возможности...

ЛУКА (*перебивает*). Трепать языком и пялиться на звезды.

СКОРИНА. Отец, вы не понимаете...

ЛУКА. Конечно, куда уж темному, забитому старику понять не по годам умудрённого сына!

Отцовский удел – ковыряться в бычьих шкурах, а великий потомок будет считать звезды! (*Матери*.)

Я знал, что твои бернардинцы не доведут до добра. Принеси вина!

МАТЬ (*не трогается с места*). Когда они научили его латыни – ты был счастлив.

ЛУКА. Был, был счастлив, потому что думал, старый дурак, что знание латыни поможет в наших торговых делах.

МАТЬ. В «твоих» торговых делах.

ЛУКА. Ах, вот так, значит! Моих?... А чей хлеб едите, поспольство доброе? Чья каша на столе? Кто одел и обул вас, неблагодарные? Кто в жару и мороз тащится с товаром за тридевять земель, рискуя

жизнью, через татей и мытни, чтобы привести в Полоцк несколько коп грошей? Будь она проклята, эта жизнь! Господи, святые угодники, почему я дожил до сего дня! Мать, принеси вина!

Мать не трогается с места. Молчание.

ИВАН. Отец, мы ценим труды ваши праведные... *(Смотрит на брата.)* Я клянусь... всеми силами... и до конца дней своих... продолжать дело вашей жизни... И преумножать славу рода Луки Скорины.

ЛУКА *(Обнимая Ивана, Скорине)*. Слышишь, слышишь?... Вот – слова истинного сына. *(Скорина молчит.)* Молчишь... Мать, я сказал: принеси вина из подвала. Лучшего...

МАТЬ *(встаёт)*. Я в ваших винах не разбираюсь.

ЛУКА. То, что привез в прошлый раз из Риги, красное.

МАТЬ. По любому поводу – принеси вина. Радость – неси вино. Беда – еще больше вина. Когда уже напьетесь?

Мать что-то бурчит под нос, уходит. Долгое молчание.

ЛУКА. Пока нет матери... *(Скорине.)* Это окончательное решение?

СКОРИНА. Я очень долго думал, отец. Читал и думал...

ЛУКА. Читал и думал он! *(Ивану)*. Слава Богу, ты не такой книгочей.

ИВАН. Отец, благодаря вам, мы оба выучились читать по Псалтыри...

СКОРИНА. Благодаря вам мы умеем писать кириллицей...

ЛУКА. Хватит вилять хвостом, говори по делу.

СКОРИНА. Пройдёт время и вы будете гордиться мною, как и братом Иваном.

ЛУКА. Говори по делу: куда, когда и во сколько мне это станет?

Братья переглядываются.

СКОРИНА. Краковский университет... Завтра нужно ехать, берут попутчиком...

ЛУКА *(перебивает)*. Сколько?

СКОРИНА. Много.

ЛУКА *(после раздумья)*. А ближе к дому не мог найти какую-нибудь бурсу, попроще?

ИВАН. В польской столице учился цвет Великого княжества Литовского.

ЛУКА. Вот именно, что – «цвет». А мы какой «цвет»? *(Скорине.)* Мы – не Сапегы, не Гольшанские, не Гедройцы, мы – вообще не шляхта. Я – Лука Скорина, не самый богатый купец из Полоцка.

ИВАН. Ягайло построил в Кракове дом для бедных студентов из Литвы и Руси...

ЛУКА. Не нужно читать мне лекцию, я знаю, что происходило век тому назад. Ягайло покойный ему поможет!.. На Ягайло одна надежда, не на отца же родного... Полоцк ему мал, он хочет в столицу!

Мы здесь живём, потому что тут родился и умер мой отец. И мой дед, и мой прадед...

Мать приносит вино, разливает по кружкам. Семья садится к столу.

Мужчины выпивают. Мать ставит на стол нехитрую снедь.

ЛУКА. Мать, ты, конечно, всё знала?

МАТЬ. Догадывалась.

ЛУКА. И молчала... Как всегда – молчала... *(Мать молчит.)* Я всегда всё узнаю последним.

МАТЬ. Ты много путешествуешь, Лука. Когда мы с тобой говорили последний раз?

ЛУКА. Я не путешествую, я – торгую. И это не прогулки вокруг нашего Софийского собора, это...

МАТЬ *(заканчивает фразу)*... опасные дороги, где можно нарваться и на мытников и на разбойников.

ЛУКА. Да! И никогда не знаешь, кто...

МАТЬ *(заканчивает фразу)*... из них опасней. *(Сыновья смеются.)* Отец, чему ты удивляешься? Ты сам всю жизнь в дороге. Каждый раз, едва сойдя с лошади и умывшись, ты собирал семью за этим столом, пил вино и рассказывал сыновьям об опасностях, которые...

ИВАН *(заканчивает фразу)*... тебя преследовали.

СКОРИНА. О новых землях...

ИВАН. И новых городах.

СКОРИНА. О диковинных порядках...

ИВАН. И чужих нравах.

МАТЬ. Отец, твой сын – весь в тебя. Ну, не хмурься, не цыгане же его уводят в табор! Отучится – вернётся домой.

ЛУКА (*бурчит*). Твои бернардинцы его сбили с панталыку.

ИВАН. Ты еще будешь гордиться им!

ЛУКА (*помолчав немного*). Мать, наливай! За нас! За славный род Скорины!

Чокаются, пьют, едят.

ИВАН (*Скорине*). Трудно тебе там будет, брат: чужая страна, чужой язык, чужие нравы.

ЛУКА. Ничего, обвыкнется. Денег много не дам, но голодать не будешь. Говоришь, дом для русинских студентов есть? И много там наших?

ИВАН. Говорят, около семидесяти земляков.

ЛУКА. Это славно... Славно... Значит, будет с кем по-нашему поговорить. Не всё же время – на латыни. Я пробовал – чуть язык не сломал: **Faber est suae quisque fortunae!** (*Смеётся.*)

МАТЬ. И что это значит?

ЛУКА. Не помню точно, что-то про жизнь.

СКОРИНА. «Каждый сам кузнец своей судьбы».

ЛУКА. Нет, латынь – не для нашего брата, русина. Удивляюсь тебе, сын, какое терпение!

МАТЬ. Спасибо братьям бернардинцам.

ЛУКА. Тьфу на них с тобой вместе!

ЛУКА. Опять же, будет с кем молитву православную прочесть. Наливай, мать!

МАТЬ. Не много будет? Расхрабрился, как молодой.

ЛУКА. Так не каждый день сын покидает дом родной. За славный город Полоцк! За древнюю землю славянскую! За веру православную!

СКОРИНА (*негромко*). За Франциска Скорину.

Отец и Скорина выпивают.

Иван и Мать замолкают в тревожном ожидании.

ЛУКА. Прости, что ты сказал? – Не расслышал, туг на ухо стал в этих поездках. Опять просквозило, кажется. Мать, на ночь что-нибудь теплое положишь.

СКОРИНА. Я сказал...

МАТЬ (*Отцу, уводя разговор в сторону*). Лука, давай сейчас погрею соли, приложишь.

ЛУКА. Погоди, он что-то сказал...

СКОРИНА. Я сказал...

ИВАН (*брату, тихо*). Зачем сейчас? Потом...

ЛУКА. О чем шепчетесь, дети? Наследство моё делите? (*Смеётся.*)

Молчание.

СКОРИНА (*Ивану, тихо*). Иван, решение принято. И лучше сейчас, лучше – по-честному. Не могу я обманывать отца.

ЛУКА (*расслышал кое-что, посмеиваясь*). Да-да, чти отца своего, как написано в священном писании.

ИВАН. Ты знаешь, что будет.

СКОРИНА. Знаю, но иначе – обман. (*Отцу, громко.*) Я сказал: за Франциска Скорину!

Лука медленно допивает вино, медленно ставит кружку на стол. Молчание.

ЛУКА. И что это значит?

СКОРИНА. Отец, я взял себе другое имя – Франциск. Я должен был тебе это сказать раньше, но я боялся, что ты...

ЛУКА (*перебивает*). Ты справедливо боялся, сынок. (*Мать пытается собрать посуду*). Оставь посуду в покое. И не трогай вино. Сегодня, кажется, будет хороший повод напиться.

МАТЬ. Лука, ради всех святых...

ЛУКА (*перебивает*). Каких святых?

МАТЬ. Наших святых. Православных святых.

ЛУКА. Православных? Тогда что делает за этим столом какой-то Франциск?

МАТЬ. Ты же знаешь, какая обстановка в Польском королевстве. Уния – унией, но там лучше быть... (*Боишься продолжить.*)

ЛУКА. Говори смелей! – Католиком? (*Резко Скорине.*) Ты перешел в католичество?

СКОРИНА. Нет, я только взял другое имя.

ЛУКА. А завтра станешь креститься слева – направо и молиться на... *(Взрывается криком.)* Латынь ты уже выучил!

ИВАН *(Скорине)*. Не мог подождать до завтра?

МАТЬ. Отец, ему будет легче на чужбине под католическим именем.

ЛУКА. Проклятые бернардинцы! Я чувствовал, что добром эта учеба не кончится! Понаехали, монастырей пооткрывали, баламутят неразумных юнцов! Они всего лишь научат мальчика латыни! – Так, мать? Научили, благодарствую.

СКОРИНА. Отец, латынь – язык науки и медицины, без латыни невозможно учиться в университете.

ЛУКА. Поспольштво доброе, вы слышите, что говорит этот отрок? Слушай! Можно вообще ничему не учиться, можно жить на воде и хлебе, можно жить без ноги, без глаза и без языка, но невозможно – слушай меня очень внимательно, сын! – жить без веры предков, преступно отречься от своего имени, подло забывать, кто ты есть и какого роду-племени твоя семья!

СКОРИНА. Я просто хочу облегчить себе жизнь, с новым именем мне будет проще в католическом мире, в который я отправляюсь.

ЛУКА. А вот тут ты сильно ошибаешься, сын. Беря чужое имя, ты отрезаешь пуповину, связывающую тебя с длинной чередой предков, православных предков. Они видят тебя оттуда *(Перст – в небо!)*, они всегда незримо рядом, они надеются и верят в тебя, неразумный потомок. Их праведные молитвы, их заступничество перед Господом помогают пережить самые страшные дни. Уж поверь мне, которому они неоднократно спасали жизнь. Беря чужое имя, ты взваливаешь на себя чужую судьбу и ступаешь на неизвестную дорогу. И никто из предков отныне не стоит за твоей спиной... Как ты сказал: Франциск?

СКОРИНА. Франциск.

ЛУКА *(зло рассмеялся)*. Господи, Иисусе Христе, Франциск он! Задурили латиняне в сутанах башку. Какой Франциск? Размечтался о славе нового Франциска – как его там? – Ассизского? Здрасте вам, Франциск Полоцкий! Или – лучше – Франциск русинский! Или Франциск литвинский! Может, Франциск с Востока? Как тебя отныне величать, сын? Может, тебе сразу Христом назваться?

СКОРИНА *(спокойно)*. Франциск Скорина... Прости, отец... Так надо... Я всё обдумал...

МАТЬ *(всхлипнула)*. Весь в отца, такой же упрямец.

Молчание.

СКОРИНА. Так знай же, новоявленный Франциск Скорина, что денег ты от меня не получишь.

МАТЬ. Лука, побойся Бога!

ЛУКА *(Матери)*. Сегодня решаю я! *(Скорине.)* Я тоже всё обдумал. *(Помолчав.)* Единственным наследником признаю Ивана. Всё движимое и недвижимое... Ну, и так далее, сами знаете, если такие ученые... *(Садиться.)*

МАТЬ. Господи, Лука, что ты творишь, он же сын, твой младший сын! И больше я тебе не рожу сыновей!

ЛУКА. Ничего не говори, просто налей вина.

СКОРИНА. Прости, отец.

Франциск быстро уходит.

МАТЬ. Лука, ты же – отец.

ЛУКА. Молчи. Я помню, что отец. А будет ли он помнить, что его отец – Лука Скорина, купец из славного города Полоцка, крещенный в православии?

МАТЬ Ты всегда желал ему лучшей доли, баловал больше Ивана...

ЛУКА *(перебивает)*. Он выбрал свой путь, пусть уходит, куда глаза глядят.

МАТЬ. Лука!

ЛУКА. Я так решил, мать. Налей вина.

МАТЬ. Сам нальёшь. *(Уходит.)*

Молчание.

ЛУКА *(Ивану)*. Помнишь, где я прячу от матери?

ИВАН. Я ей ничего не говорил, клянусь.

ЛУКА. Я не про то... Возьми оттуда... Не знаю сколько... Реши сам... Дай брату на дорогу... Только не говори, что от меня. От себя дай. *(Иван уходит. Лука наливает себе вина.)* Господи, хоть бы дожить... *(Крестится. Пьёт.)*

Познань. Тюрма. (Весна 1532-го года от рождества Христова).

КАШТЕЛЯН. Матка Боска, Ченстоховска... Буг ми съвядем, как обрыдло вшистка... Начнем сначала... Указ короля Польши от 5 февраля 1532 года от рождества Христова. Совсем плохо стал видеть. *(Подвигает поближе свечу, читает указ.)* «Когда мы недавно были в городе нашем Вильно, пожаловались нам Лазарь, сын, и Моисей, зять старого Моисея, иудея нашего варшавского, что славный умерший Иван Скорина, наш виленский гражданин, остался должен ему двести шесть коп грошей, а также заявили и привели доказательства, что доктор Франциск, его брат, взял себе всё добро, которое осталось после смерти Ивана».

СКОРИНА. Это навет. Имущество было поделено между...

КАШТЕЛЯН *(перебивает)*. Ну что за манера прерывать должностное лицо при исполнении служебных обязанностей? Еще доктором искусств прикидывается! Чёрным по белому написано: «И привели доказательства». *(Продолжает читать.)* «Приказываем этому доктору Франциску заплатить им сумму в двести шесть коп грошей». *(Скорине.)* Значит, платить отказываемся?

СКОРИНА. Я ничего не должен этим иудеям.

КАШТЕЛЯН. Мне вшистка едно... Но если не должен, тогда эти жида очень смелые господа, когда осмеливаются обращаться с фальшивой жалобой к самому королю! Вряд ли Сигизмунд простит, когда узнает, что его водят за нос какие-то варшавские иудеи.

СКОРИНА. К тому же, у меня совсем нет денег.

КАШТЕЛЯН. А вот это – не оспариваю. Именно так и утверждают эти Лазарь и... проклятая память... *(Заглядывает в указ.)* Вот, нашел – «Моисей, зять старого Моисея». Редкое имя, наверное потому и вылетает из головы. *(Смеется.)*

СКОРИНА. И что они утверждают?

КАШТЕЛЯН. Что они тут утверждают?... *(Ищет в указе.)* Что они утверждают... Утверждают, что... *(Читает.)* «Доктор Франциск бежал из Вильно, переезжает из одного места в другое, бродяжничает и выплатить им названную сумму не хочет».

СКОРИНА. Я не бродяжничаю, я – путешествую.

КАШТЕЛЯН. Буг ми съвядем: все бродяги, которые мне попадались, именно так и говорят. Развелось путешественников! Никто не хочет работать, все только путешествуют!

СКОРИНА. Меня знают во многих королевских дворах Европы...

КАШТЕЛЯН *(перебивает, заканчивает фразу)*. А также кабаках, трактирах и ночлежках.

СКОРИНА. Вельможный пан всё шутит. Я утверждаю: я – доктор медицины.

КАШТЕЛЯН. Да, да... Доктор, конечно доктор... Тут так и написано... *(Читает.)* «Всем и каждому из воевод, каштелянов, сановников, урядников и старост»... Это я уже читал, кажется... Вот нашел... «Приказываем вам, чтобы вы отыскиали неотложное правосудие и использовали его по отношению к доктору Франциску Скорине, как к человеку беглому и имущему. И чтобы не освобождали его до тех пор, пока не удовлетворит их на сумму в двести шесть коп грошей». *(Скорине.)* Отдавать жидам долги будем?

СКОРИНА. Я ничего не должен.

КАШТЕЛЯН *(сворачивает указ)*. Ну, сиди-сиди... Королевский указ придется выполнять. *(Почти по-отечески.)* Как кормят?

СКОРИНА. Как будто вы не знаете! – Плохо.

КАШТЕЛЯН. Все сейчас недоедают. Думаешь, если я – каштелян Познаньский, так у меня на столе каждый день на столе каплун с финиками? Как бы не так! Знаешь, как выросли цены? *(Задумчиво, про себя.)* Может, всё через этих моисеев и лазарей?.. Или война скоро?.. *(Скорине.)* Литвины твои не собираются часом с москвитями воевать?

СКОРИНА. Побойтесь Бога, война закончилась десять лет назад.

КАШТЕЛЯН. Много ты понимаешь в военных делах! Это тебе не логика с риторикой, это война, доктор вольных искусств!

СКОРИНА. Свободных.

КАШТЕЛЯН. Да плевать. Война никогда не заканчивается. На время может затихнуть, но закончиться – никогда. Пока сильный сосед окончательно не сожрёт слабого. Через год-два снова попруте на Москву, знаю я ваш нрав. Упрямый народец. Как и мы, Буг ми сьвядзем ...

ГОЛОС. Пан Каштелян, куда дрова разгружать?

КАШТЕЛЯН. Матка Боска, Ченстоховска... Зима кончилась, тут и дрова подоспели! Очень вовремя! Всё сам, всё сам! **(Кричит.)** Куда-куда? – Прямо в приемную залу пана воеводы! Прямо под ноги пану воеводе и валите. А что не поместиться – за кресло ему свалите... За кровать... На голову мне, олухи царя небесного!

ГОЛОС. Ясно, пане каштеляне.

КАШТЕЛЯН. Уховай Божэ от этих болванов!.. **(Молчание.)** О чём мы говорили?

СКОРИНА. Про упрямый народ.

КАШТЕЛЯН. Про что?

СКОРИНА. Про литвинов.

КАШТЕЛЯН. А, ну да... Все упрямые... Как ты... Значит, доктор, говоришь? И где учился, Скоринич?

Краков. Корчма. (14 декабря 1506-го года от рождества Христова).

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Русины!

ХОР ГОЛОСОВ. Было!

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Литвины!

ХОР ГОЛОСОВ. Знаем!

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Земляки!

ХОР ГОЛОСОВ. Не забудем!!!

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Други!

ХОР ГОЛОСОВ. Мы, мы, мы!!!

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Выпьем за князя литовского, за короля польского, за Ягайло, за нашего великого...

ХОР ГОЛОСОВ. Земляка!!!

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Который даже на польском троне не забыл о прекрасной родине, земле литвинской, позаботился о студентах-земляках на сто лет вперед!

ХОР ГОЛОСОВ. За наш литвинский дом! За литвинское братство!

Пьют.

ЛИЦЕНЦИАТ МЕДИЦИНЫ **(Корчмарю, тихо)**. Ох уж, эти литвины! Как они любят выдавать желаемое за действительное! Ну не был, не был Ягелло королем польским. Перешел в католичество, обвенчался с нашей тринадцатилетней королевой Ядвигой, так и король сразу?

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Что там бурчишь?

ЛИЦЕНЦИАТ МЕДИЦИНЫ. Говорю, дольше бы прожил ваш Ягелло, если бы не страсть слушать соловьев на сквозняках.

БАКАЛАВР **(перебивает)**. За нашего друга и земляка, новоиспечённого бакалавра свободных искусств Франциска из славного города Полоцка!!!

СКОРИНА. Да что вы, в самом деле...

Чокаются, обнимаются, пьют.

КОРЧМАРЬ **(недовольно бурчит, убирая грязную посуду)**. Понаехало тут... Праздники наши не соблюдают...

БАКАЛАВР **(Скорине)**. Принимаю тебя, брат, в нищенский орден Краковских бакалавров!

Под одобряющий свист водружает на голову Скорине облезлую студенческую шляпу.

КОРЧМАРЬ **(Лиценциату)**. Только вчера был праздник святой Люции, едва закончился день сухоядения, как сразу – попойка.

ЛИЦЕНЦИАТ МЕДИЦИНЫ. Не понимаешь ты, корчмарь, вольной жизни студенческой. Не был ты студентом.

КОРЧМАРЬ. Дзеньки Богу, мне есть чем заняться и без ваших глупостей, пан Лиценциат... **(Подает еду и убирает пустые бутылки)**. Ну и язык... Ну и язык... Что за язык? Никак не могу привыкнуть

к этому языку, к этим литвинским замашкам. Придут, напьются, орут, словно они самые главные в столице.

ЛИЦЕНЦИАТ МЕДИЦИНЫ. Не понимаешь, корчмарь. Литвин так мало в Краковском университете, что если им не шуметь, не пить, не петь, не держаться вместе, они растворяются, перестанут быть, жить, весить, значить. Да и тебе прибýtка не будет. Ну, признайся самому себе! Чего ворчишь?

КОРЧМАРЬ. Дзеньки Богу, дзеньки Богу... Пан Лиценциат прав, грех жаловаться: после них всегда прибыток, литвины умеют пить...

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. И никогда не жалеют на выпивку денег! Корчмарь, еще вина!

КОРЧМАТЬ. Несу-несу, шановное паньство... *(Убегает.)*

Корчма веселится, Скорина отходит в сторону со своей спутницей.

МАЛГОЖАТА. *(Скорине)*. Останешься?

СКОРИНА *(смеется)*. Сегодня?

МАЛГОЖАТА. Завтра, послезавтра, через неделю, год, навсегда.

СКОРИНА. А ты хочешь?

МАЛГОЖАТА. А ты уже нет?

СКОРИНА. Малгожата, я же тебе говорил.

МАЛГОЖАТА. Можешь повторить, у меня – как ты всегда смеешься – девичья память.

СКОРИНА *(помолчав)*. Есть вещи важнее любви.

МАЛГОЖАТА. Нет вещей важнее любви.

СКОРИНА. У мужчины еще есть дело, долг, родина.

МАЛГОЖАТА *(смеётся)*. Господи, как всё просто у вас, мужиков...

СКОРИНА. Не веришь, что я люблю тебя?

МАЛГОЖАТА. Думаю, ты не понимаешь, что такое любовь.

СКОРИНА. Как всё просто у вас, женщин. Вы всё можете перечеркнуть одной фразой. «Ты не понимаешь, что такое любовь!».. Если я не понимаю, тогда что было между нами?

МАЛГОЖАТА. Между нами?.. Тебе видней, бакалавр.

СКОРИНА. Прекрати, дался вам всем этот «бакалавр»!

МАЛГОЖАТА. Но ты же так стремился к этому званию! Радуйся, Франциск!

СКОРИНА. А когда достиг – словно пустота... Я не знаю, что дальше.

МАЛГОЖАТА. Можешь отказаться от звания, если «пустота», вернуться в Полоцк, к отцовским шкурам. Забери меня в свой дикий край. Полоцк – это далеко от Большой Орды? *(Смеется. Потом резко обрывает смех, серьезно.)* Забери меня с собой, слышишь, Франциск!

СКОРИНА. Не могу.

МАЛГОЖАТА. Ну конечно, ты не можешь. А что ты можешь?

СКОРИНА. Ты не понимаешь меня.

МАЛГОЖАТА. Как не понимала все эти годы. Я вообще не понимаю литвин. Тебя – особенно.

СКОРИНА. При чем здесь литвины?

МАЛГОЖАТА. При том, что ты – сумасшедший... Чего ты хочешь? К чему стремишься? Кто ты есть такой? *(Заплакала.)* Господи, зачем я вообще встретила тебя?

СКОРИНА. Жалеешь?

МАЛГОЖАТА *(взяла себя в руки)*. Я никогда ни о чем не жалею, запомни это, литвин. Я – полька, и этим всё сказано. *(Скорина пытается её обнять.)* И не смей меня жалеть!

СКОРИНА. Ты – полька, ты – полька... Ты не уставала повторять это все годы.

МАЛГОЖАТА. А ты не упускал возможности напомнить, что ты – литвин.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК *(вклинивается с кружкой)*. Что я слышу? – За Литву!

МАЛГОЖАТА. Не мешай, Мартин. Нам нужно поговорить.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Ты её любишь, Франциск?

МАЛГОЖАТА. Тебе сказали – уйди.

СКОРИНА. Я люблю её.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК *(орёт)*. За любовь!!! *(Отходит.)*

МАЛГОЖАТА *(выдержав паузу)*. Ты сказал так, чтобы Мартин оставил нас в покое?

СКОРИНА. Чтобы ты знала правду.

МАЛГОЖАТА. Но это – неправда.

СКОРИНА. Ты мне не веришь?

МАЛГОЖАТА. Нет.

СКОРИНА. Почему?

МАЛГОЖАТА. Потому что твоя правда – что-то ускользающее. Ты и сам не знаешь, какая она, твоя правда. Ты не нашел её, Франциск. И не уверена, что найдешь.

СКОРИНА. Я люблю тебя.

МАЛГОЖАТА *(рассмеялась)*. Не обманывай себя, это не любовь. *(Очень серьезно.)* Ты останешься ради меня в Кракове? Построишь мне дом? Подаришь мне детей? Дождешься внуков? Встретишь со мной старость?

СКОРИНА *(опускает голову на руки)*. Господи...

Долгое молчание, сопровождаемое криками корчмы.

МАЛГОЖАТА. Вот и ответ... И прекрати говорить мне о любви, Франциск.

СКОРИНА. Прости меня...

МАЛГОЖАТА. Молчи. Терпеть не могу эти мужские «прости». Подними голову, оскорби, ударь, отвернись от меня, только не нужно этого униженного «прости».

СКОРИНА *(помолчал)*. Прости.

МАЛГОЖАТА. Господи... Да будь ты... Что за мужик! *(Уходит.)*

Скорина некоторое время сидит один. Рядом шумит пьяная компания.

ПРОХОЖИЙ. Ушла?

СКОРИНА *(поднимая голову)*. Что?.. *(Прохожий уже отошел в тень.)*

БАКАЛАВР. Чего приуныл, бакалавр?

СКОРИНА. Отстаньте вы с этим «бакалавром», право. *(Бакалавру.)* Налей.

БАКАЛАВР *(налив вино, выдержав паузу)*. Баба бросила?

СКОРИНА. Не твоё дело, земляк.

БАКАЛАВР. Не моё, конечно. Но ведь не за бабами ты в польскую столицу приехал, Скорина.

СКОРИНА. Не за бабами...

БАКАЛАВР. Ну, так и плюнь на дуру, которая не хочет тебя понять.

СКОРИНА. Дело в том, что я она права.

БАКАЛАВР. Что бросила тебя? Да ты совсем спятил! Посмотри на себя – за тобой еще сотни баб будут бегать. Бакалавр! – Любая с радостью пойдет за тобой. Перестань угнетать себя дурными раздумьями. Ты – достойнейший муж...

СКОРИНА. Перестань, ради Христа.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК *(вклинивается в разговор)*. Что за кислое болото? Разве сегодня не праздник?

БАКАЛАВР. Нашего Франциска бросила баба.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Это еще один повод для веселья. Зачем лишняя обуза нашему брату студенту?

БАКАЛАВР. Похоже, он её любит.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Нашел причину для огорчения! Бабы приходят и уходят – закон природы! Да я тебе сейчас в этой корчме пять других найду, не хуже. *(Кричит на всю корчму.)* Пани и паненки, наш дорогой друг, мой земляк, новоиспеченный бакалавр свободных искусств Франциск Скорина только что был брошен своей возлюбленной! Кто хочет занять место неверной пани и стать через какое-то время докторшей?!!

СКОРИНА. Прекрати.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Хоть на короткое время!

Пьяный шум в корчме. Одна из девок под одобряющие крики посетителей приближается к столу празднующей компании.

СКОРИНА. Хватит пороть чушь!

ЛИЦЕНЦИАТ МЕДИЦИНЫ. О, матка Боска...

КОРЧМАРЬ. Ох, уж эти литвины...

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК *(Скорине)*. О деньгах не беспокойся, вчера мне отец прислал, на всё хватит. По крайней мере, на сегодняшний вечер – сполна.

СКОРИНА. Господи, Малгожата здесь не причём.

БАКАЛАВР. Тогда что тебя мучает?

СКОРИНА (*взрывается, переходит на родной язык*). Я изучал науки и искусства, я сдал экзамен, я стал бакалавром, и что? Чего я достиг? Моих знаний – мало, ничтожно мало. Оглянитесь на мир! Это же – убожество!

БАКАЛАВР (*захохотал*). Похоже, наш Франциск решил изменить мир.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Ну оглянулся, и что? Мне здесь нравится!

СКОРИНА. Прекратите, я серьёзно.

КОРЧМАРЬ. Нести еще вино панам?

ЛИЦЕНЦИАТ МЕДИЦИНЫ. Погоди, сейчас литвины решат, как спасти мир, тогда и принесешь.

КОРЧМАРЬ. Не понял.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Пошел вон, дурак!

КОРЧМАРЬ. Как скажете, вельможны пане... (*Уходя, бурчит.*) Понаехало тут всяких...

СКОРИНА. Посмотрите вокруг, как живут люди!

БАКАЛАВР. Люди испокон веков так жили.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Оставь людей в покое. Они не нуждаются в твоих заботах. Их устраивает такая жизнь, она им нравится. (*Спутнице, повисшей на нём.*) Правда, моя дорога? Скажи ему. (*Шлёпает ту ниже спины.*)

СКОРИНА. Потому, что они – невежественны. Их зачинают в невежестве, в невежестве растят, в невежестве и забитости держат власть имущие. И они не знают ничего, кроме жалкого пребывания между жизнью и смертью, между сытостью и голодом, между фальшиво-ритуальным воскресным походом в храм и языческим обрядом погребения. Всему виной – невежество! Уничтожьте его и жизнь преобразится.

ЛИЦЕНЦИАТ МЕДИЦИНЫ (*под нос*). Ну, понеслась русинская телега...

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Что?

ЛИЦЕНЦИАТ МЕДИЦИНЫ. Слушаю, говорю, внимательно.

КОРЧМАРЬ. Панове, вино нести?

ВСЕ ЛИТВИНЫ (*в один голос*). Пошел вон, дурак!!!

КОРЧМАРЬ. Как скажете, панове... (*Уходя, бурчит.*) Понаехало тут...

СКОРИНА. Люди пьют зараженную нечистотами воду, едят вредную пищу, умирают от простейших болезней, живут не по-христиански, не соблюдая заповеди...

ЛИЦЕНЦИАТ МЕДИЦИНЫ (*под нос*). Прямо как Франциск Ассизский вещает.

СКОРИНА. Люди нуждаются в просвещении, в знаниях, они нуждаются в помощи Божьей, в слове его ободряющем.

ЛИЦЕНЦИАТ МЕДИЦИНЫ (*под нос*). Чисто Франциск... Жаль, нет паствы подходящей.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Что ты бубнишь?

ЛИЦЕНЦИАТ МЕДИЦИНЫ. Вино горькое, говорю.

БАКАЛАВР (*Скорине*). Мы всё это знаем, друг. Мы сотни раз спорили об этом. Ты знаешь выход? Ты видишь свет?

СКОРИНА. Я ничего не знаю... Я даже не знаю, как удержать любимую женщину.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Тогда о чем разговор? Корчмарь, неси, наконец, вино.

КОРЧМАРЬ. Как скажете, вельможны... (*Наливает, бурчит.*) Бронь Божэ от этих варваров...

СКОРИНА. Я хочу лечить людей от болезней, от телесной и душевной скверны... (*Пьёт.*)

Молчание.

ПРОХОЖИЙ (*неизвестно как и когда оказавшийся рядом*). Тогда – лечи!

СКОРИНА. Что?

ПРОХОЖИЙ. Учись. Стань врачом. Лечи людей.

СКОРИНА. Не могу.

ПРОХОЖИЙ. Почему?

СКОРИНА. Потому что нет денег... Потому что больше нет денег...

Молчание.

БАКАЛАВР (*поднимается*). Выпьем за Луку Скорину, отца нашего друга Франциска, совсем немного не дожившего до этого светлого дня. Пусть светлая память о нем...

СКОРИНА (*резко обрывает*). Хватит слов. За отца!

Все встают. Пьют. Молчание.

КОРЧМАРЬ. Фляки нести, панове?

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Как же без фляков, корчмарь!

ДЕВКА (*давно присоединившаяся к компании, но молчавшая до сих пор*). Какой забавный язык.

Отдельные слова понимаю, а про что речь – не пойму.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Они говорят на литвинском.

ДЕВКА. Как?

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. По-литвински.

БАКАЛАВР. По-русински.

ДЕВКА. Какие вы смешные. Сами не знаете, на каком языке говорите.

СКОРИНА. По-русски.

ДЕВКА. Красивый язык. Поговорите еще по-своему.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Франциск, как тебе эта девка?

СКОРИНА. Пошел ты!

ДЕВКА. Что он сказал?

СКОРИНА. Он сказал, что ты ему нравишься.

ДЕВКА (*улыбаясь Студенту*). Скажи ему, что он мне – нет. Слишком молодой и глупый. А еще – наглый. Сразу видно, что семья с деньгами, а он – без мозгов. Зачем ему ваш университет?..

СКОРИНА. Знаешь, кто его дед, отец? Назвать фамилию? Обомлеешь.

ДЕВКА. Плевать на фамилию, если человек – пустой... Человек меряется не фамилией и не именем... Особенно в моём деле...

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Вот, курва, кто ты такая, чтобы судить меня?

ДЕВКА (*Скорине*). Почитай мне молитву на своём языке.

СКОРИНА. Зачем тебе молитва?

ДЕВКА. Молитвы красиво звучат.

СКОРИНА. В корчме не место для молитвы.

ДЕВКА. Молитве – везде место. Разве Христос выбирал место для молитвы?

СКОРИНА. Ты права...

Долгое молчание.

ДЕВКА. Забыл?

Долгое, слишком долгое молчание.

СКОРИНА. Уйди. Ради Бога, уйди.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Не вышло? (*Приобнимает Девку*).

ДЕВКА. Да пошел ты... Да пошли вы все... (*Вскакивает, Студент-земляк смеется.*)

КОРЧМАРЬ (*Девнице, тихо*). А я тебе говорил: сумасшедшая компания. Особенно этот, угрюмый, с усами. (*Показывает на Скорину.*) Всегда такой. Много думает, наверно. Плохо кончит, очень плохо кончит.

ДЕВКА (*Корчмарю*). И ты пошел!

КОРЧМАРЬ. Еще эта курва будет мне!.. (*Получает оплеуху от Девки.*) Бронь Божэ, что за день такой! Идждь до дупы, дивка! (*Компании, с улыбкой.*) Вот и фляки, панове! Еще вчера корова ела травку...

Компания шумит, наваливаясь на еду. Скорина отходит к окну.

ПРОХОЖИЙ (*вполоборота, ковыряясь в еде*). При чём здесь деньги?

СКОРИНА. Что?

ПРОХОЖИЙ. Если человек поставил перед собой цель – разве отсутствие денег остановит его?

СКОРИНА. Кто ты?

ПРОХОЖИЙ. Человек... Прохожий... Зашел поесть... Выпить.

СКОРИНА. Вот и ешь-пей, не лезь в душу.

ПРОХОЖИЙ (*улыбаясь*). А ты ведь сейчас очень хочешь, чтобы кто-нибудь залез в твою душу, Франциск.

СКОРИНА. Откуда ты знаешь моё имя?

ПРОХОЖИЙ. Ну, твои друзья орали на весь Краков! Я перепугался, что в Вавеле проснуться все усопшие польские короли.

СКОРИНА. Чего тебе надо?

ПРОХОЖИЙ (*делая вид, что не слышит*). А ведь та девица права, ваш язык и вправду красив. Похож на... Или на... Хотя нет, более всего на...

СКОРИНА (*перебивает*). Чего тебе от меня надо, прохожий?

ПРОХОЖИЙ (*игнорирует вопрос*). Странно... Почему ты не прочитал этой девице молитву на своём языке?..

СКОРИНА. Кто ты?

ПРОХОЖИЙ. Вроде не похожи на язычников, студенты как-никак, латынь и всё такое... На каком языке ты читаешь Священного писание, Франциск?

СКОРИНА. Кто ты?

ПРОХОЖИЙ. Тебе не кажется всё это странным: я не отвечаю на твои вопросы, ты не отвечаешь на мои?

СКОРИНА. Кто ты?

ПРОХОЖИЙ. Наверное, у красивого языка должны быть очень красивые книги...

СКОРИНА. Кто ты?

ПРОХОЖИЙ (*резко поднимает голову, смотрит в упор на Скорину*). А ты?

СКОРИНА (*помолчав*). Хорошо, я отвечаю: потому что на моём родном языке нет книг.

ПРОХОЖИЙ. Жаль... Язык, на котором нет книг – обречён.

СКОРИНА. Судья, ты кто?

ПРОХОЖИЙ. Человек может достичь любой цели, Франциск. Даже в одиночку можно изменить мир, история неоднократно доказывала это. Правда, иногда ради великой цели приходится идти на костер... Как Ян Гус.

СКОРИНА. Так ты – чех? Как я не догадался по акценту!

ПРОХОЖИЙ. Если многого хочешь, многим придется пожертвовать.

СКОРИНА (*с испугом*). Ты – еретик? Гусист?

ПРОХОЖИЙ (*рассмеялся*). Испугался, бакалавр? Значит, еще рано... Значит, еще не готов... Но ты мне всё равно нравишься, русин. Или как там тебя, литвин?

СКОРИНА (*почти выкрикнул*). Русский.

ПРОХОЖИЙ (*смеется*). Вот как! Ну, история разберётся, кто ты, Франциск Скорина.

СКОРИНА (*в раздражении*). Чего тебе от меня надо, чех?

ПРОХОЖИЙ. Мне?.. (*Пристально смотрит Скорине в глаза*.) Может, это тебе...

Прохожий пересаживается в дальний угол корчмы. Скорина смотрит ему вслед.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК (*обнимает за плечи Скорину*). Чего хотел от тебя этот бродяга? Денег просил? Ты ему сказал, что у тебя ветер в кармане?

БАКАЛАВР (*Скорине*). Пошли к столу. Вино наш мошенник явно разбавляет водой, но флаки делает отменные.

КОРЧМАРЬ (*который всегда всё слышит*). Богу духа винен, панове, Богу духа винен!

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК (*тащит Скорину к столу*). Не упрямысь, Франциск, сегодня твой праздник! А у меня пока не кончились отцовские деньги.

БАКАЛАВР (*Скорине*). Похоже, дела твоего брата после смерти отца идут не слишком удачно.

ЛИЦЕНЦИАТ МЕДИЦИНЫ. В самом деле, что станешь делать дальше, Франциск? Без денег-то? Снова надеешься на нашего доброты-ректора? Или на земляка Ягайлу?

БАКАЛАВР. Дурацкая шутка, лицензиат. (*Скорине*.) Вернёшься в Полоцк?

Скорина оглядывается на Прохожего, сидящего в дальнем углу корчмы.

Кажется, тот совсем забыл о недавнем разговоре.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК (*смеется*). А в твоём Полоцке хоть одна такая корчма есть? Если есть – поедем вместе. (*Серьёзно*.) Отправляйся в Вильно, я поговорю с отцом, он всё устроит.

БАКАЛАВР. Я тоже могу написать рекомендательное письмо. Моя семья хоть и не такая знатная (*Кивает на Студента*), но не последняя в Киеве. Увидишь мать городов русских! А Днепр с кручи! ЛИЦЕНЦИАТ МЕДИЦИНЫ. Не дурите ему голову своими велико-литовскими глупостями. Не для того он ехал в Краков, чтобы возвращаться к родным пенатам. Франциск, Польша дала тебе знание, силу, веру в свои силы. Польша – твоя новая родина. Здесь ты будешь...

КОРЧМАРЬ *(встречает в разговор)*. Як у Пана Бога за пецэм. Попробуйте, панове, еще этого рейнвейна. *(Бакалавру, обиженно.)* Я никогда не разбавляю вино водой, вельможны, Буг ми сьвядзем.

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Наливай!

*С шумом разливают вино по кружкам.
Скорина смотрит в сторону Прохожего.*

СКОРИНА. Дайте мне сказать.

ВСЕ. О-о-о!!! Наконец-то слово скажет новоиспеченный бакалавр Франциск Скорина!!!

СКОРИНА. Друзья... Земляки... Я буду благодарен нашему декану, магистру Леонарду, если он позволит мне и дальше учиться в славном Краковском университете. Ежели нет...

БАКАЛАВР *(радостно)*. Киев!

СТУДЕНТ-ЗЕМЛЯК. Вильно!

ЛИЦЕНЦИАТ МЕДИЦИНЫ. Дайте ему договорить, крикуны литовские!

СКОРИНА. Ежели нет... Я отправлюсь в другие страны, я обойду все университеты Европы... Я буду стоять на коленях перед учёными мужами с милостивейшей просьбой...

Становится на колени. Действие переносится на несколько лет вперед.

Падуя. Университет. (5 ноября 1512-го года от рождества Христова).

СКОРИНА *(стоит на коленях перед ученым мужем в докторской мантии)*. Наидостойнейший доктор искусств и медицины господин Фаддей Муссати, обращаюсь к вам, вице-приору коллегии славнейших падуанских докторов искусств и медицины, с милостивейшей просьбой...

ДОКТОР МУССАТИ. Встаньте с колен, молодой человек, мы, всё-таки, не в церкви и я – не святой отец. Позвольте и мне присесть, ноги уже не те.

СЕКРЕТАРЬ *(Доктору Муссати)*. Вам помочь?

ДОКТОР МУССАТИ *(довольно резко)*. Не спешите меня хоронить. *(Садится. Скорина встаёт с колен.)* Так о чём просьба?

СКОРИНА. Обращаюсь с милостивейшей просьбой разрешить мне в качестве дара и особой милости подвергнуться милостью божьей испытаниям в области медицины при святой коллегии Падуанского университета.

ДОКТОР МУССАТИ. Вы блестяще говорите на латыни, молодой человек.

СКОРИНА. Благодаря стараниям братьев-францисканцев. С гордостью ношу имя – Франциск.

СЕКРЕТАРЬ *(бубнит)*. Всюду эти францисканцы.

ДОКТОР МУССАТИ. Вы – уроженец Папской области? *(С недовольством и напряжением)*. Должен поставить вас в известность: покровительство Венецианской республики обеспечивает нашему университету небезызвестный дух независимости от схоластики и догматов Папы.

СКОРИНА. Спешу успокоить господина вице-приора: я родом из очень отдалённой страны.

ДОКТОР МУССАТИ. И какой же путь вы проделали, молодой человек, чтобы оказаться в славной Падуе?

СКОРИНА. Возможно, четыре тысячи миль и даже более того, вряд ли господин вице-приор слышал о моём родном городе.

ДОКТОР МУССАТИ. Ну, не считайте нас такими дремучими. Мы – лучший университет Европы... Болонский, естественно, пытается оспорить данный постулат, но это в них сидит давняя обида. Когда в 1222 году группа студентов и преподавателей со скандалом покинула его стены, чтобы основать нашу обитель науки...

СЕКРЕТАРЬ *(пытается вернуть разговор с прежнее русло)*. Господин вице-приор...

ДОКТОР МУССАТИ. Да-да, не будем ворошить былое, что было – то было... А кто прошлое помянет – тому, как известно... Так откуда вы, молодой человек?

СКОРИНА. Из города Полоцка. *(Доктор Муссати крепко задумался.)* Это Великое княжество Литовское.

СЕКРЕТАРЬ *(пытается прийти на помощь)*. Мир становится всё больше... И занятней...

ДОКТОР МУССАТИ *(помолчав)*. Там есть университет?

СКОРИНА. К сожалению, нет.

СЕКРЕТАРЬ *(радостно)*. Возможно, из-за этого мы запомнили о вашем славном городе.

СКОРИНА. Я верю, что рано или поздно он там появиться.

ДОКТОР МУССАТИ *(задумчиво)*. Возможно, всё возможно в этом мире... Хотя... Не уверен, что каждому город нужен университет... Вот, например, Болонья! Не Рим, не Венеция, а откуда это самомнение, гордыня, завышенные претензии...

СЕКРЕТАРЬ. Господин вице-приор...

ДОКТОР МУССАТИ. Что?.. Да-да, не будем об этом. *(Скорине.)* Мы и вправду недостаточно интересуемся делами на Востоке. Ну что ж, Светлейшая республика Венеция всегда рада гостям, откуда бы они не прибыли.

СКОРИНА. Я милостиво рассчитываю на благосклонное решение моей просьбы.

ДОКТОР МУССАТИ. Какой просьбы?

СЕКРЕТАРЬ *(с терпеливой усталостью)*. Милостивейшей просьбы разрешить ему в качестве дара и особой милости подвергнуться экзамену...

ДОКТОР МУССАТИ. Да-да, спасибо. Я помню.

СЕКРЕТАРЬ. У меня нет сомнений, господин вице-приор. Просто, вы немного устали.

ДОКТОР МУССАТИ. Да-да, я немного устал, всё-таки, годы берут своё, молодой человек.

(Секретарю). Ну что ж, соберите завтра по моему поручению святую коллегия... Мне и в самом деле стоит сегодня отдохнуть... *(Направляется к выходу, потом вскрикивает.)* Да! Совсем забыл! Вы имеете честь носить ученое звание, чужестранец?

СЕКРЕТАРЬ *(совсем обречённо)*. Наш гость носит звание доктора свободных искусств. Изучал медицину во многих европейских университетах. Имеет большой практический опыт и глубокие познания в данной области. Во всяком случае, он так утверждает. Я вам докладывал.

ДОКТОР МУССАТИ. Когда это вы докладывали? Не собираетесь ли вы намекнуть, господин секретарь, что я...

СЕКРЕТАРЬ *(устало заканчивает)*. Что вы – устали на вчерашнем заседании святой коллегии.

ДОКТОР МУССАТИ. Естественно, устал. Эти ваши коллегии – через день.

СЕКРЕТАРЬ. Они не мои, они ваши, господин вице-приор.

ДОКТОР МУССАТИ *(обратив внимание на Скорину)*. Ладно, что это мы тут, при чужестранце...

Ступайте, господин... Простите, не запомнил ваше имя...

СЕКРЕТАРЬ *(обреченно)*. Франциск.

СКОРИНА. Франциск Скорина.

ДОКТОР МУССАТИ. Конечно, конечно, Франциск. Скорина... В качестве дара?.. *(Опомнившись.)* То есть, у вас нет денег? *(Переводит взгляд на Секретаря.)*

СЕКРЕТАРЬ. Я докладывал. Не нужно на меня так смотреть, господин вице-приор.

ДОКТОР МУССАТИ. В таком случае, на каком основании... Простите, уважаемый доктор Франциск, но гостеприимство Венеции имеет свои пределы.

СЕКРЕТАРЬ. Венецианцы умеют думать о прибыли. Иначе бы мы не стали хозяевами Средиземноморья.

ДОКТОР МУССАТИ. Утверждение грубое, но не лишенное справедливости. Господин секретарь, не отвлекайтесь от своих прямых обязанностей. *(Скорине.)* Не обижайтесь, уважаемый гость, я должен как-то обосновать моим ученым коллегам...

СКОРИНА. Понимаю. *(Помолчав.)* Но к сказанному мне нечего добавить... *(Подбирает нужные слова.)*

ДОКТОР МУССАТИ. В таком случае, сожалею. Позвольте откланяться. *(Направляется к выходу.)*

СКОРИНА *(продолжает незаконченную фразу)*. ...Кроме того, что в случае положительного решения моего вопроса, я обещаю повсюду провозглашать славу, гордость и полезность святой коллегии Падуанского университета... *(Доктор Муссати останавливается.)* ...и каждого из докторов в отдельности.

ДОКТОР МУССАТИ *(о чём-то своём)*. Как знать, как знать... *(Резко обернувшись.)* Готовьтесь к завтрашнему дню, молодой человек. И хорошо выспитесь... Хотя, в вашем возрасте это еще не столь важно.

СКОРИНА. Обязательно последую вашему совету. Благодарю вас, наидостойнейший доктор Фаддей Муссати.

Откланявшись, Скорина покидает залу.

СЕКРЕТАРЬ (*едва только за Скориной закрылась дверь, громким шепотом*). Наидостойнейший доктор совсем спятил...

ДОКТОР МУССАТИ. Вы что-то сказали, господин секретарь?

СЕКРЕТАРЬ. Я говорю, что ваша мудрость, конечно, безгранична, но мы понятия не имеем, кто этот человек! Он ни дня не учился в стенах Падуанского университета! Могу допустить, что его грамоты и дипломы – подделка хитроумных поляков или этих... Как он там сказал? – Русин! Кому знать, как ни мне, что в наше время можно одним росчерком пера подделать любой документ. (*Роемся с документах.*) Что тут еще у него? – Секретарь короля какого-то. Попахивает авантюризмом. Нет, слишком серьезный риск.

ДОКТОР МУССАТИ (*о чём-то своём*). Как знать, как знать...

СЕКРЕТАРЬ. Вы хотите стать посмешищем всего университета? Вы хотите лишиться должности вице-приора? Увольте меня! Как секретарь коллегии, я не хочу участвовать в этом представлении. Да не буду я писать никаких указов. (*Отбрасывает перо, с ужасом.*) А если он – Генуэзский шпион?

ДОКТОР МУССАТИ. Вы – дурак.

СЕКРЕТАРЬ (*мгновенно остыл*). Позвольте поинтересоваться причиной столь радикального утверждения?

ДОКТОР МУССАТИ. Страх в вас больше, чем здравого ума и расчета.

СЕКРЕТАРЬ. А в чём ваш расчет?

ДОКТОР МУССАТИ. Допуская его к экзамену, мы ничего не теряем, а можем приобрести многое.

СЕКРЕТАРЬ. Объясните мне – как вы изящно выразились – дураку. Я из Бергамо, до меня долго доходит.

ДОКТОР МУССАТИ. Ну, что касается денег, тут бергамцы – надо за вами признать! – быстро соображают. Рано или поздно какой-нибудь щелкопёр напишет по этому поводу веселую пиеску. А вот организовать бесприкрытую интригу – не ваш конек.

СЕКРЕТАРЬ. Не понимаю ваших намеков.

ДОКТОР МУССАТИ. Да и не важно... Если этот чужестранец профан в медицине – его завтра с позором выгонят. А вот если он настоящий ученый ум – чему бы я был несказанно рад – мы с радостью облачим его в докторскую мантию. И будем гордиться им. И никаких затрат, между прочим, бергамец.

СЕКРЕТАРЬ. Всё равно не понимаю, нам-то какая выгода.

ДОКТОР МУССАТИ. Вспомните, он сказал: «Обязуюсь преумножить славу и блеск Падуи, а также всей святой коллегии».

СЕКРЕТАРЬ. Пусть приумножает, хотя слава – как мне кажется – категория относительная и не всегда сопровождается звоном дукатов... В чём выгода-то?

ДОКТОР МУССАТИ (*взорвался*). А ты хочешь, чтобы он попёрся в Болонью?! И его портретом украсили церемониальный зал Болонского университета?!

СЕКРЕТАРЬ (*осознав*). Святая мадонна! Господин вице-приор, наидостойнейший доктор Фаддей Муссати! Вот это – интрига! Вы поистине...

ДОКТОР МУССАТИ. Знаю, знаю: мудрец... Пойду спать, завтра будет трудный день.

СЕКРЕТАРЬ (*вослед, очень тихо*). Но если этот Франциск – фальшивая монета, у нас будет другой вице-приор...

ДОКТОР МУССАТИ. Я всё слышу...

СЕКРЕТАРЬ. Мудрец, говорю, воистину мудрец. (*Углубляется в бумаги.*)

Падуя. Епископский дворец. (9 ноября 1512-го года от рождества Христова).

СЕКРЕТАРЬ (*оглашает документ*). Езус Мария! 9 ноября 1512 года в епископском дворце в Падуе по поручению вице-приора, господина Фаддея Муссати, выдающегося учёного в области искусств и медицины, были созданы и по обычаю торжественно собрались наидостойнейшие и славные доктора святой коллегии господ мастеров искусств и медицины, доктора искусств и медицины, а также доктора искусств.

Зала заполняется учеными мужами в докторских мантиях.

СЕКРЕТАРЬ (*продолжает оглашение документа*). В присутствии достопочтенного во Христе отца Пауло Забарелло, епископа Аргелисского, состоялся особый экзамен по медицине.

В зал входит и занимает центральное место епископ Забарелло.

СЕКРЕТАРЬ (*оглашает документ*). Под председательством знаменитого доктора искусств и медицины господина Фаддея Муссати, а также перед всеми присутствующими докторами коллегии именитый доктор искусств господин Франциск, сын покойного господина Луки Скорины из Полоцка, русин, был экзаменован в особом и строгом порядке по вопросам, предложенным ему утром этого дня.

Доктора медицины наперебой задают вопросы на латыни стоящему посреди залы Скорине.

СЕКРЕТАРЬ (*перекрывает своим голосом общий гул*). Доктор Франциск Скорина проявил себя столь славно и достойно во время строгого экзамена, когда излагал ответы на заданные вопросы и опровергал предложенные ему доказательства, что получил единодушное одобрение всех присутствующих учёных без исключения. . .

Доктор Муссати хлопает в ладоши.

Голоса мгновенно стихают, все присоединяются к аплодисментам.

СЕКРЕТАРЬ. И было признано, что он имеет достаточные знания в области медицины.

ДОКТОР МУССАТИ. Все единодушны и единогласны, без единого голоса против!

СЕКРЕТАРЬ. Вышеуказанный достопочтенный господин вице-приор провозгласил его в установленном порядке доктором медицинских наук.

ДОКТОР МУССАТИ. Как говорится, господа: «**Veni, vidi, vici!**»

МАГИСТР БАРИЗОН. Пришел, увидел, победил!

СЕКРЕТАРЬ. После этого известный доктор искусств и медицины господин магистр Варфоломей Баризон, от своего имени и коллег вручил ему знаки медицинского достоинства.

Скорина становится на колени перед магистром Баризоном.

МАГИСТР БАРИЗОН. Поздравляю вас, доктор Франциск. Оказывается, если человек поставил перед собой цель, мало что может его остановить. Во всяком случае, отсутствие денег – уж точно не остановит.

Скорина с удивлением поднимает глаза.

В лице Магистра он улавливает черты почти забытого Прохожего из краковской корчмы.

ДОКТОР МУССАТИ. Поздравляю вас, доктор, вы – первый русин, получивший столь высокое научное звание в нашем университете. В этом вопросе мы опередили-таки высокомерных болонцев.

МАГИСТР БАРИЗОН (*Доктору Муссати*). Вы не помните, в нашей библиотеке есть книги на русинском языке?

ДОКТОР МУССАТИ. Не припоминаю. Хотя, меня в последнее время часто подводит память. Всё-таки, возраст!

МАГИСТР БАРИЗОН. Вот и я не припомню.

ДОКТОР МУССАТИ (*Секретарю*). Господин секретарь, вы не помните. . .

СЕКРЕТАРЬ (*пишет*). Наидостойнейшие доктора, не отвлекайте меня. Вы своё дело сделали, а мне нужно закончить протокол епископской курии, а то завтра опять соберёте свою комиссию, а у меня ничего не готово. (*Тихо бормочет.*) Зачем мне знать всякую ерунду?

СКОРИНА. Книг на моём родном языке не существует.

ДОКТОР МУССАТИ. Удивительно. Вы – такой ученый муж, и вдруг. . . Разве такое бывает?

МАГИСТР БАРИЗОН. Язык, на котором нет книг – обречён. (*Скорина с удивлением смотрит на магистра Баризона.*) Хотя, посмотрите какие цивилизации канули в лету, а ведь создали величайшую литературу – Греция, Рим, вот уже и звезда Византии закатилась! Вы помните, доктор Франциск: «**Famae etiam jactura facienda est pro patria.**»

ДОКТОР МУССАТИ. Прав старина Фабий: «Ради отечества следует жертвовать даже славой».

СЕКРЕТАРЬ (*бормочет*). Хлебом не корми – дай поумничать.

ДОКТОР МУССАТИ (*Секретарю*). Что вы сказали?

СЕКРЕТАРЬ (*не отрываясь от работы*). Мудрецы, говорю, мудрецы.

ДОКТОР МУССАТИ. Но прервём нашу беседу. Полагаю, доктор Франциск очень устал, у него были напряжённейшие дни.

МАГИСТР БАРИЗОН. Не сочтите за труд, уважаемый доктор Франциск, прислать мне при случае какую-нибудь книгу на русинском языке. Я очень заинтересовался.

ДОКТОР МУССАТИ. Отдыхайте. Полагаю, завтра у вас начнётся другая жизнь. Прощайте, доктор Франциск. **«Memento vivere»** – помни о жизни, как говориться. Надеюсь, ваши медицинские познания помогут спасти много человеческих жизней.

МАГИСТР БАРИЗОН. И душ, душ человеческих! Не забывайте о спасении душ, доктор Франциск. Простите, если своим вопросом я невольно сделал вам больно. **«Libris me delecto»** – книги доставляют мне, как и Цицерону, удовольствие... *(Загадочно улыбаясь.)* Да, и не забывайте почаще обращаться к первоисточнику – **«Ex ipso fonte»!**

Скорина озадаченно смотрит вслед.

СЕКРЕТАРЬ. Вот, старые болтуны... Им бы только похвастать друг перед другом, блеснуть латынью, а другие должны с утра до ночи их «великие мысли» конспектировать. Для чего, скажите на милость? СКОРИНА. Возможно, для истории.

СЕКРЕТАРЬ. Какой еще истории, Езус Мария?! Кто будет читать эти бумажки через 100, 200, 500 лет! Может, через какое-то время и книги-то читать перестанут! Всё – суета сует, как говорил Соломон.

СКОРИНА. Екклесиаст.

СЕКРЕТАРЬ. Да?.. *(Оторвал голову от бумаг, озадаченно.)* Вот видите, никто не помнит, что сказал сам Екклесиаст, а уж мои протоколы!.. Сейчас вот увлеклись книгопечатаньем. Не знаю, не знаю... Возможно, это приносит неплохие деньги, но я предпочитаю по старинке, пером, как видите. Всякие еретики хватаются переводить Священное писание на свои варварские языки. Но и это поветрие пройдет. Всё пройдет, всё суета сует... Екклесиаст, говорите? Странно... А что хотеть? На этой работе некогда в Библию заглянуть.

СКОРИНА. Позвольте откланяться, почтенный... Простите, не имею честь знать имени.

СЕКРЕТАРЬ. А кому интересно моё имя? Безвестный секретаришка при *(Преисполнен сарказма.)* наидостойнейшем докторе Фаддее Муссати, вице-приоре святой Коллегии... Кстати, уважаемый доктор, не желаете, чтобы я несколько поправил стиль протокола?

СКОРИНА. Что вы имеете в виду?

СЕКРЕТАРЬ. Ну, добавил поэтичней прилагательных... Приукрасил некоторым, так сказать, образом казенный документ. *(Цитирует.)* «Именитый доктор искусств господин Франциск, сын покойного господина Луки Скорины из Полоцка, русин...» Уж больно сухой текст получается. А что, если так: «Достославнейший и наипочтейнейший – согласитесь, это лучше, чем набивший оскомину «наидостойнейший» – доктор искусств господин Франциск, сын почившего в бозе благопристойнейшего Лукиана Скорины из стольного града Полоцка...» Полоцк – русинская столица?

СКОРИНА. Нет.

СЕКРЕТАРЬ. Ну, не важно. Я всё аккуратно перепису. За работу возьму недорого: всего пару дукатов.

СКОРИНА. Какой смысл? Ведь вы утверждаете, что ваши записи закинут в архив и никто никогда не сдует с них пыль.

СЕКРЕТАРЬ. Ну, как знать, может найдутся чудaki.

СКОРИНА *(с улыбкой)*. Не обессудьте, я очень ограничен в средствах.

СЕКРЕТАРЬ. В таком случае, пусть всё остаётся, как есть. Я предлагал, как лучше.

СКОРИНА. Премного благодарен. Покойной ночи, господин... Так и не услышал вашего имени.

СЕКРЕТАРЬ *(глубокомысленно)*. У меня, в отличие от вашего, его нет. Прощайте.

Скорина уходит.

СЕКРЕТАРЬ. Старик Овидий, я, как и ты **«Cum moriar, medium solvar et inter opus»** – хочу, чтобы смерть застигла меня посреди трудов... На чём я остановился?.. Имена присутствовавших докторов... *(Пишет, проговаривая вслух.)* Достопочтейнейший – а какой же у нас еще может быть! – Варфоломей де Санкто Вито... Магистр Иероним Марипетро... Антоний де Сонтино... Христофор а Лигоранте... Езус Мария, сколько у нас докторов! А люди мрут, как мухи... *(Отбрасывает перо.)* Двух дукатов пожалел, жлоб русинский... *(Перечитывает запись.)* Чей он, сказал, секретарь?.. Забыл... Езус Мария, заморочили голову своей латынью, забыл... А-а-а, всё равно никто перечитывать

не станет, напишу: секретарь короля... Дации, например. Найдут – пусть голову ломают, где это и кто это. Двух дукатов пожалел! А мне вот чернил не жалко... *(Окунает перо в чернила.)*

Познань. Тюрьма. (Весна 1532-го года от рождества Христова).

КАШТЕЛЯН. Давненько я тобой не занимался, Франтишек Скоринич. Дела, дела, понимаешь: за одним проследить, другого наградить, третьего выпороть. За всем нужен глаз да глаз. Народец-то ленивый пошёл. Холопы норовят улизнуть от работы, а шляхта – каштеляном прикрыться...

СКОРИНА. Я достаточно наслушался о ваших заботах.

КАШТЕЛЯН. Чего такой злой?

СКОРИНА. Май на дворе, я сижу здесь третий месяц. И дело никуда не сдвинулось за это время.

КАШТЕЛЯН. Значит, серьёзное дело, раз никуда не двигается. *(Вдруг сменив тон на серьёзный.)*

Может, не в грошах дело-то, а?

СКОРИНА. На что вы намекаете?

КАШТЕЛЯН. Может, и жида эти – только прикрытие?... Может, и нет никакого Моисея с Лазарем на белом свете?... Никто не отменял полувековой давности декрет варшавского герцога Болеслава Мазовецкого, запретивший всем некаатоликам селиться и заниматься торговой деятельностью в Варшаве? А пять лет назад запрет распространен и на предместья Варшавы! Тебе не кажется всё это странным, сиделец Франтишек?... Или Францискус?... Или Франциск?

СКОРИНА. Вам что-то стало известно, господин каштелян? У вас есть новости.

КАШТЕЛЯН. Допустим, есть.

СКОРИНА. Плохие?

КАШТЕЛЯН. Есть плохие, есть хорошие. С каких начать?

СКОРИНА. Говорите же скорей, перестаньте играть со мной.

КАШТЕЛЯН. Это я с тобой играю? У меня иное ощущение складывается. Что-то всё больше хлопот мне с этим делом, всё больше странной возни вокруг твоей персоны, то ли купец, то ли...

СКОРИНА. Доктор! Доктор!

КАШТЕЛЯН. Да в этом я уже убедился, не горячись.

СКОРИНА. Вы запросили подтверждающие грамоты?

КАШТЕЛЯН. Они сами к тебе прибыли.

СКОРИНА. Не понимаю.

КАШТЕЛЯН. Ладно... Начнём с хорошей новости. Три дня тому в Познань прибыл Роман Скорина, сын и наследник умершего Ивана Скорины. Пришел лично в нашу резиденцию, в присутствии радцев и войта заступался за тебя. Племянник твой хоть и молодой, но весьма деятельный.

СКОРИНА. Роман привез грамоты?

КАШТЕЛЯН. И много прочих документов. Утверждает, что требования варшавских иудеев не обоснованы и не подтверждены долговыми расписками. Поскольку жалеет невинного дядю и сочувствует судьбе несчастного, прибыл сюда в Познань из Гданьска, чтобы быть твоим посредником. Утверждает, что достаточно имущий, чтобы ответить на все долговые претензии. Хочет вступить в судебное дело против иудеев.

СКОРИНА. Роман, Господи, Роман... Я свободен?

КАШТЕЛЯН *(выдержав паузу)*. А теперь – плохая новость. *(Разворачивает указ, читает.)*

Почтенным бурмистру и радцам города нашего Познани. Мы одобряем старание, которое вы проявили при исполнении нашего указа. Поручаем вам, чтобы вы осуществили надлежащее и неотложное правосудие и не освобождали до тех пор этого доктора Франциска, пока над ним там же на месте не свершится правосудие, и иначе не делайте. Сигизмунд, божьей милостью король польский, великий князь литовский, русский, прусский, мазовецкий и прочее, прочее, прочее... 2 мая 1532 года. *(Сворачивает указ.)* Вчера. Очень быстро доставили указ из Кракова, удивительно быстро... Чего с тобой так носятся? Хочешь выпить? *(Достаёт флягу.)*

СКОРИНА. Я бы предпочёл поесть.

КАШТЕЛЯН. Поесть нечего, я тебе говорил – времена трудные. Ну, нех жие нам! *(Отхлёбывает что-то крепкое из фляги.)* Хороша! Не будешь? – Ну, как знаешь... *(Делает большой глоток.)*

Очень хороша... Моё дело маленькое: приказали – выполнять! Чего мне рассуждать, я человек служивый. Но твоё дело мне сразу не понравилось. Да выпей ты, не отравлено.

Скорина прикладывает флягу к губам, морищится.

КАШТЕЛЯН. Пить ты не умеешь, доктор Франциск... *(Делает новый глоток.)* Знаешь, наш Сигизмунд, конечно, уже совсем старый... Королева Бона – тьфу на неё, тьфу! – хитро плетет свои интриги вокруг старика... Возможно, эти варшавские... Тьфу на этот поганый городишко, терпеть его не могу: никакой архитектуры, а люди с какого ляда такие высокомерные, не пойму!.. Так вот, возможно, твои варшавские жида... Ну прости, прости, доктор, – твои иудеи подкупили людей из окружения Боны, а наш старый король сослепу, как иногда и со мной случается, подписал этот указ!.. Учти: я тебе ничего не говорил, ты ничего не слышал. Моё дело маленькое – выполнять указы короля!.. Даже если он совсем спятил... Езус Христус, вырви мой грешный язык. Дай Боже долгих лет нашему королю. Ты не согласен, бродяга? Молись, чтобы за тебя заступился кто-нибудь повыше племянника, иначе – крышка, сгною... *(Пьёт.)* Который час? Развод в шесть часов. Часовые совсем распоясались, пойду всыплю по первое число начальнику караула. *(Рассмеялся.)* А то вдруг война – а мы проспали! *(Вмиг становится серьёзным.)* Я тебе ничего не говорил, ты – ничего не слышал. *(Направился к выходу, но остановился и пристально посмотрел на Скорину.)* Чем ты еще занимался, кроме своей медицины, Скорина?

Вильно. Сад Онковых. (Осень 1514-го года от рождества Христова).

Скорина крепко держит в объятиях Мартина Онкова, когда-то студента-земляка в Краковском университете. Иван Скорина – рядом.

ИВАН. Не задушите друг друга, однокашнички.

МАРТИН. Сколько лет прошло, а кажется – только вчера расстались. *(Скорине.)* Добился-таки своего? Не могу осознать – доктор медицины! Упрямый ты мужик, Франциск.

СКОРИНА. Как все... *(Хитро подмигнул Мартину.)*

ХОРОМ. Литвины!!!

СКОРИНА. Ну а ты как, Мартин?

МАРТИН. Едва до бакалавра дотянул. Если бы не отец – раньше выгнали. Не моё это дело – наука. А признайся, веселое было время. Жаль, прошло.

СКОРИНА. Отец жив?

МАРТИН. Он считает, что без него жизнь в Вильно остановится, поэтому собирается жить вечно! – То ассессор в маршалковском суде, то в раде городской заседает. Торговлю успевает вести, что от деда осталась.

ИВАН. Ходят разговоры, скоро станет бурмистром Виленским.

МАРТИН. Сплюнь, Иван, сплюнь.

ИВАН. Чего скромничаешь: дед был бурмистром, отец скоро будет, рано или поздно – ты станешь.

СКОРИНА *(Мартину.)* Ты на службе?

МАРТИН. Тяну, тяну, брат, земскую лямку. Семейная традиция.

ИВАН. Вот согласно традиции и станешь!

МАРТИН. Если до тех пор не пропью с братом отцовское состояние.

ИВАН. О, чтоб пропить ваше состояние, нужно лет триста беспробудно пьянствовать.

МАРТИН *(хохочет)*. Ты забыл мои способности, Иван!

ИВАН. Так напомни! Мы долго будем на ногах стоять, или предложишь, наконец, друзьям за стол сесть? Мы, между прочим, два дня добирались. И питались всухомятку.

МАРТИН *(дремлющему под деревом слуге)*. Эй, Еська, тащи на стол! Всё тащи!

ЕСЬКА. Как вчера, пан?

МАРТИН. И как завтра!

ЕСЬКА. Ясно, пане. *(Уходит в дом, бормоча.)* Может, и не понадобится триста лет...

На втором этаже дома открывается окно.

МАРТИН *(мельком взглянув на окно, переходит на серьёзный тон)*. Ты достиг всего, чего хотел, Франциск?

СКОРИНА (*несколько растерялся от прямого вопроса*). Я совсем немного достиг, Мартин.

МАРТИН. Что дальше, Франциск?

СКОРИНА. Почему ты спрашиваешь?

МАРТИН (*помедлив*). Я помню твои слова в краковской корчме: «Всему виной – невежество! Уничтожьте его и жизнь преобразится»... Почему ты так смотришь на меня?

СКОРИНА. Не ожидал, что ты тогда вообще слушал меня, ты был сильно пьян.

МАРТИН. Крепкие слова крепко врезаются в память: «Люди живут не по-христиански, не соблюдая заповеди... Люди нуждаются в знаниях, в помощи Божьей, в слове его ободряющем».

СКОРИНА. Ты помнишь слово в слово.

МАРТИН. «Я хочу лечить людей от болезней, от телесной и душевной скверны»...

СКОРИНА (*помедлив*). А был ли ты пьян, Мартин?

МАРТИН. Кто знает, кто знает...

Еська расставляет на столе, стоящем под большой яблоней, вино и еду.

ЕСЬКА. Смачно есци, панове.

МАРТИН (*поднимает кубок*). За тебя, Франциск! За тебя, Иван!

СКОРИНА. За тебя, Мартин!

Чокаются, пьют. За занавеской появляется мужская фигура.

МАРТИН (*Скорине*). Многих людей ты вылечил и спас от смерти?

ИВАН. В бою спасение даже одного человека – подвиг. Он совершил уже не один.

СКОРИНА. Сколько подвигов не совершай, медицина бессильна спасти человечество. Я знаю, как вправлять вывихнутые руки и ноги, как вскрывать нарывы и гнойники, как останавливать кровотечение и принимать роды, но я бессилён спасти всех.

ИВАН. Спасай тех, кого можешь, об остальных позаботиться Господь.

СКОРИНА. Не позаботится Господь о тех, кто не слышит его пастырское слово.

МАРТИН. По-твоему, народ редко ходит в церковь?

ИВАН (*быстро переглянувшись с Мартином*). Посмотри, какие толпы перед соборами в великие праздники! Наш народ чтит святую православную веру, соблюдает посты, ходит на службы.

СКОРИНА. Читает... Соблюдает... Ходит... Конечно, на Пасху яйца не забываем красить, и в Рождество мужественно ждем первой звезды. Но понимает ли простой люд то, что слышит с амвона? (*Показывает на Еську, внимательно слушающего в стороне разговор.*) Вот – человек. Думаешь, он кроме «Отче наш» что-нибудь знает? Может пересказать хоть одну притчу Христову?

МАРТИН. Давай его спросим. (*Зовёт.*) Еська!

ЕСЬКА. Разве вино кончилось, пане Мартин?

МАРТИН (*рассмеялся*). Нет, похоже, сегодня нам будет не до вина. Еська, ты часто ходишь в церковь?

ЕСЬКА (*перепугался*). Господи, Иисусе! Да в чём я снова провинился?

МАРТИН. Вот, дубина! В церковь, говорю, часто ходишь?

ЕСЬКА. Всё по-христиански, посты соблюдаю.

МАРТИН. А что батюшка в церкви говорит, понимаешь?

ЕСЬКА. Когда по-русски говорит, понимаю.

ИВАН. Это когда он по-не-русски говорит?

ЕСЬКА. Когда читает.

МАРТИН. Библию?

ЕСЬКА. Не знаю, что он там читает. Книги разные толстые с застёжками золотыми. Красиво читает, не читает, а поёт даже, иногда заслушаешься – аж в сон клонит. Но ничего не понятно. Чего вы смеетесь, панове? Он же на своём церковном языке поёт. Мне, смертному, зачем понимать? Главное – чтобы он понимал, что поёт, не сбился, а то некрасиво получится, в церкви-то при всём честном народе. А скоромного я в пост не ем, вот вам крест.

Мартин и Иван смеются. Скорине не до смеха.

СКОРИНА. Вот я – доктор медицины. И снова повторяю слова, сказанные когда-то в нашей славной корчме: я бессилён, я ничего не могу... Знаете, что я понял? – Что никакие лекарства не в состоянии вылечить и спасти народ. Прежде всего, общество должно религиозно и нравственно оздоровиться, без этого нет выздоровления физического, и мои врачебные старания – насмарку! Каждый человек,

вот даже этот твой Еська, имеет право изучать и толковать Библию. Это право нужно вырвать из рук священников, погрязших... Ладно, не мне, грешному, рассуждать о грехах церковных иерархов.

За занавеской окна появляются новые мужские фигуры. Еська внимает.

МАРТИН. Узнаю тебя, Франциск, узнаю твою страстную натуру!

ИВАН. Слышишь, Еська? Начинай учить буквы, будешь Библию изучать.

ЕСЬКА. Нам буквы ни к чему, буквы – для господ придуманы.

СКОРИНА. Простите за излишние эмоции... Господи... Константинополь пал!

Константинопольский Патриарх – в бегах! Кто будет благословлять православных митрополитов?

Беглый Патриарх? Султан турецкий? Царь московский? Кто будет главный в православной иерархии?

Где будет патриарший двор? В Риме? Москве? Вильно?

ИВАН (*ухмыльнулся*). Почему бы не в Полоцке? Правда, Еська?

СКОРИНА. Иван, ради Бога, я серьезно... Да, я – полочанин, я православно рожденный, но это сейчас не важно. Важно, чтобы люди объединились в вере Христовой!

МАРТИН (*бросив короткий взгляд на окно*). Да ты там в своей Европе стал закоренелым еретиком.

СКОРИНА. Далась вам эта ересь? Мартин, вспомни Краков, до какой ереси мы договаривались в наших ночных спорах!

МАРТИН. С тех пор ты стал гораздо смелее в рассуждениях.

СКОРИНА. Европейское образование всё-таки...

МАРТИН. Говори, говори.

СКОРИНА. Друзья, братья, простите меня, если я излишне горяч, если мои речи задевают ваши религиозные чувства, но перед кем мне выговориться?

МАРТИН (*бросает мимолетный взгляд на окно*). Франциск, ты среди друзей, говори.

СКОРИНА. Между божественным и человеческим пониманием лежит пропасть и поэтому претензии церкви, вернее людей в рясах на монопольное владение истиной – профанация Божьего промысла.

Библия – великая книга. И «Великая». И «Книга». Раз книга – её нужно читать, о ней нужно думать, о ней нужно спорить, говорить... Нам нужна книга!

МАРТИН. Ты против института церкви?

СКОРИНА. Нет, я не против церкви, я – за книгу! Великую книгу! И мне не нужен посредник между ней и Господом Богом!

Молчание.

МАРТИН (*Еське*). Понял, Еська!

ЕСЬКА. Красиво пан говорит. Но ничего не понятно. Как у попа в церкви.

Иван и Мартин смеются.

МАРТИН (*переглянувшись с Иваном*). Говорят, ты начал переводить Псалтырь на наш язык?

СКОРИНА. (*Ивану с укором*). Ты?

ИВАН. Брат, Мартин – твой верный друг. Чего ты опасаться?

Молчание.

СКОРИНА. Я не так смел, как Ян Гус.

МАРТИН. Здесь тебя никто не потащит на костер.

СКОРИНА. Друзья, я для себя еще многого не решил. Думаю, не стоит говорить об этом.

МАРТИН. А может быть – самое время?

Из дома выходят три мужские фигуры и решительно направляются к Скорине.

СКОРИНА. Мартин... Иван... Неужели...

Конец первого действия.

Вильно. Сад Онковых. (Осень 1514-го года от рождества Христова).

Незнакомцы разглядывают Скорину. Молчание затягивается.

БОГДАН ОНКОВ. Я представлял его другим.

Молчание.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Иван больше похож на отца.

Молчание.

ЯКУБ БАБИЧ. Господа, приступайте к делу.

СКОРИНА. Кто вы?

МАРТИН. Франциск, позволь представить тебе моего отца – Богдан Онков.

БОГДАН ОНКОВ. По лицу читаю: доктор Франциск ожидал чего-то другого. Святой инквизиции? Она не добралась до Вильно, слава Богу. Садитесь, господа. Стол большой, в моём доме всегда рады гостям. Простите, что накрыли в саду, а из прислуги оставлен только этот недалекий малый. *(Кивает на Еську.)* Сегодня нам не нужны лишние уши. Еська, неси, что там бабы наготовили.

Все рассказываются вокруг стола.

Еська быстро делает своё дело и удаляется в тень деревьев.

БОГДАН ОНКОВ. По левую руку от меня – член городской рады Юрий Одверник, купец, мой друг. По правую – найстарший бурмистр столицы Великого княжества Литовского почтенный Якуб Бабич.

СКОРИНА. Франциск Скорина, доктор...

ЯКУБ БАБИЧ. Не утруждайтесь, мы всё знаем о вас.

БОГДАН ОНКОВ *(Скорине)*. Удивляетесь? Мы давно и пристально следим за вашей судьбой.

ЯКУБ БАБИЧ. Родине небезразлично, чем занимаются её сыновья на чужбине.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Я был знаком с вашим покойным отцом, у нас были общие торговые дела. Через Ивана мы иногда передавали вам денежные суммы.

СКОРИНА *(с укором)*. Иван!

ЯКУБ БАБИЧ. Не беспокойтесь, вы нам ничего не должны.

БОГДАН ОНКОВ. Воспринимайте их как наш скромный вклад в отечественную науку. На моего оболтуса я ухлопал куда больше средств.

МАРТИН. Отец!

БОГДАН ОНКОВ. Ладно, ладно, сегодня ты просто молодец. И тебя, Иван, благодарю за службу.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Да, разговорили они его мастерски.

МАРТИН. Прошу не забывать: я – бакалавр.

БОГДАН ОНКОВ. Уж и слова не скажи, сразу – в обиду.

ЯКУБ БАБИЧ. К делу, к делу, господа. У меня масса хлопот по службе.

БОГДАН ОНКОВ. Да-да, господин бурмистр. *(Скорине.)* Простите, что позволили себе подслушать ваш разговор. Но иначе бы не услышали ваш страстный монолог, развеявший наши последние сомнения относительно вас, уважаемый Франциск.

СКОРИНА. Сомнения?

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Одно дело – рекомендации Мартина и Ивана, другое дело – услышать исповедь из ваших уст.

БОГДАН ОНКОВ. Вы тот человек, который нам нужен.

ЯКУБ БАБИЧ. Не нам, а Великому княжеству Литовскому.

СКОРИНА. Вы не преувеличиваете, господа, значимости моей скромной фигуры?

ИВАН. Выслушай, брат, внимательно, прошу тебя.

БОГДАН ОНКОВ. Может быть, это вы недооцениваете себя, доктор?

ЯКУБ БАБИЧ. Мы всё многократно взвесили. Мы – это не тройка, сидящая перед вами. За нами – патриотически настроенные представители бурмистровского и радецкого братства столицы. Нас поддерживает великий гетман литовский, виленский каштелян, князь Константин Острожский...

БОГДАН ОНКОВ *(перебивает)*. Полагаю, пока не стоит открывать имен.

ЯКУБ БАБИЧ. Вы правы. Сначала нужно прийти к согласию.

СКОРИНА. Со мной?

БОГДАН ОНКОВ. С вами, Франциск Скорина.

СКОРИНА. Речь идёт о здоровье значимой особы?

МАРТИН. Если бы всё было так просто.

БОГДАН ОНКОВ *(повторяя интонацию Скорины)*. Нам нужна книга.

ЯКУБ БАБИЧ. Не нам, а Великому княжеству Литовскому.

Долгое молчание.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Удивлены? Кажется, наши цели совпадают.

МАРТИН. Франциск, разве не ты столько раз с болью говорил о судьбе нашего языка и веры?

ЯКУБ БАБИЧ. Мы – государственные люди, мы обязаны думать о судьбе нашей страны. У нас кровавая история и туманное будущее. Уния с Польшей, это, конечно, хорошо на первых порах... Это

ограждает нас от нападков с Востока. Но не защитит впоследствии от претензий польской короны. Даже тысячелетняя Византия пала, куда уж нам! Приходится держать ухо востро с нашими заботливыми соседями, чтобы сохранить свою веру и язык. Ляхи никогда не оставят свои попытки окатоличить весь мир. Польский костел очень агрессивен на наших землях...

БОГДАН ОНКОВ. Скоро уж два года, как идет война с Москвией. В сентябре московские войска взяли Смоленск. Это тяжелейшее поражение. И думаете, Василий III на этом остановится? Гетман Константин Острожский одержал победу под Оршей и двинул наши войска под Смоленск, но никто не знает, чем закончится этот поход и сколько продлится война.

ЯКУБ БАБИЧ. Москва после падения Византии объявила себя третьим Римом, огнём и мечом присоединяет земли Киевской Руси. Нашу родину рвут на части. Идет очередной раздел славянских земель... Хотя зачем я читаю лекцию дважды доктору?.. Вы всё понимаете, Франциск Скорина. Ведь вы не забывали в Европе о делах родины.

СКОРИНА. Я старался следить за ходом войны. Но падение Смоленска для меня – худая новость.

ИВАН. Прости, сам только сейчас узнал об этом.

БОГДАН ОНКОВ. И попрошу не распространяться на этот счет. Мы не торопимся извещать об этом из политических соображений. Возможно, Острожский сможет отбить Смоленск.

ЯКУБ БАБИЧ. К сожалению, у него нет артиллерии, а штурмовать крепостные стены без пушек... Дай ему Бог везения!

БОГДАН ОНКОВ. Доктор Франциск, мы слышали ваши страстные слова. Они вдохновляют нас. Мы – в одной лодке. Нужно плыть дальше.

ЯКУБ БАБИЧ. Нам нужен Статус Великого княжества Литовского. Верю, что скоро он будет составлен, работа уже началась. Но в первую очередь – нужна наша Библия. Чехи уже сделали великое дело, оно читают слово Божие на родном языке. Мы пойдем их путем. Мы обязаны дать слово божье литвинам! Мы чтим великих Кирилла и Мефодия, давших славянам кириллицу и переводы священных текстов, но – повторяю – нам нужна своя Библия. Вы понимаете нас, доктор Франциск?..

ИВАН. Брат, ты же знаешь, что православных – большинство на литовских землях.

СКОРИНА. Православный митрополит поддерживает ваш замысел?

ЯКУБ БАБИЧ. Мы занимаемся политикой, а он пусть занимается делами духовными. Кроме того, рано или поздно уния между католиками и православными будет заключена.

Тяжелое молчание.

БОГДАН ОНКОВ. Мы верно расслышали: вы начали работу над переводом Псалтыри?

СКОРИНА (*немного помолчав*). Более того... Закончил... Сейчас перевожу книги Моисеевы.

Бабич, Онков и Одверник с облегчением переглядываются.

БОГДАН ОНКОВ. Давайте выпьем, наконец. Осень на дворе, всё остыло. (*Разливают вино.*) За вас, доктор Франциск!

Пьют. Иван и Мартин помогают за столом.

ЯКУБ БАБИЧ. Насколько понимаю, самое время задать главный вопрос. Уважаемый доктор Франциск Скорина, согласны ли вы...

СКОРИНА (*перебивает*). Согласен.

Бабич, Онков и Одверник рассмеялись.

БОГДАН ОНКОВ. Всё-таки, горячий вы человек. Уверены, что понимаете суть предложения?

СКОРИНА. Я уверен, что вы посланы мне Господом.

ЯКУБ БАБИЧ. Может, это вы нам посланы свыше... История всех расставит по ранжиру. Жаль, не доживём. (*Помолчав.*) Насколько понимаю, могу откланяться. Все околичности вы сможете согласовать без меня. (*Скорине.*) Мы дадим вам всё! (*Богдану Онкову.*) Простите, что не отведал ваших разносолов, государственные дела зовут. Благословляю вас, господа.

БОГДАН ОНКОВ (*Мартину*). Проводи господина найстаршего бурмистра.

Якуб Бабич уходит, сопровождаемый Мартином.

БОГДАН ОНКОВ (*Одвернику*). Твоя очередь, золотой мешок.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Ну уж! Не преувеличивай. Ты – не бедней меня.

БОГДАН ОНКОВ (*хитро*). Какие деньги на государственной службе!

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. А земли, озера, дома? Не приbedняйся.

БОГДАН ОНКОВ. К делу, к делу...

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Я – купец и не моё это дело разводить турусы на колесах. Поэтому сразу о главном... Вы слышали: денег жалеть не будем. Книг нужно много, чтобы в каждом читающем доме...

СКОРИНА (*перебивает*). Нужен гутенберговский станок. Европа напечатала уже миллионы книг.

БОГДАН ОНКОВ. Европа печатает латиницей.

МАРТИН (*вернулся*). Отец, есть один немец по имени Швайпольт Фиоль, он начал печатать кирилловском шрифтом.

БОГДАН ОНКОВ. Немец? А зачем это ему понадобилось?

ИВАН. Книгопечатание приносит хорошую прибыль. (*Скорине.*) Это серьезное торговое предприятие, такое предложение случается раз в жизни.

БОГДАН ОНКОВ. Вот уж эти немцы! Пока мы чухались, он уже напечатал!

СКОРИНА. Всё нужно создавать заново. Шрифты Фиоля нам не нужны.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Покупайте станок Гутенберга. Создавайте свои шрифты и печатные доски. Нанимайте лучших гравёров. Изучите печатное дело досконально. Покупайте лучшую бумагу и краски. Мы не поскупимся.

МАРТИН. Теперь можно печатать двумя цветами.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Всё в ваших руках – доктор Франциск Скорина.

СКОРИНА. У меня есть одно условие.

Все напряглись и затихли.

БОГДАН ОНКОВ. Условие? Вы будете обеспечены всем, какое может быть условие?

СКОРИНА. Печатать русскую Библию нужно в Европе.

БОГДАН ОНКОВ. Почему? Мы создадим в Вильно все условия. Мой дом – в вашем распоряжении.

МАРТИН. Соглашайся, это прекрасный вариант.

БОГДАН ОНКОВ. Уверен, что господин Якуб Бабич также будет не прочь отвести часть особняка под типографию.

СКОРИНА. Я польщен вашим гостеприимством, но в Европе все задуманное будет намного проще воплотить в жизнь. Там есть мастера-гравёры, там есть более чем полувековой опыт книгопечатания, там есть – простите, господа, за прямолинейность – куда большая свобода.

ИВАН. Франциск!..

БОГДАН ОНКОВ (*помолчав*). Дерзко, конечно, с вашей стороны, доктор... Пропустим мимо ушей, ведь наша общая цель – именно свобода, пусть её и не хватает сегодня, как вам кажется, нашей родине... (*Помолчав.*) Что скажет «золотой мешок»?

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Конечно, это удорожит дело, но ведь замысел не только политический, но и коммерческий... Я готов рискнуть.

ИВАН. Я тоже готов вложиться в дело. Хотя не с моим кошельком тягаться с господами...

БОГДАН ОНКОВ. Дело дорогостоящее, любая копейка не будет лишней. (*Скорине.*) Европа большая. Куда?

МАРТИН. Сейчас лучшие мастера – в Венеции. Не зря чешская Библия напечатана именно там.

СКОРИНА. Нужно ехать в столицу Богемии, Прагу.

БОГДАН ОНКОВ. Вот, тянет вас к еретикам-гусистам. (*Помолчав.*) Ладно, Бог вам судья...

Отправляйтесь в свою Прагу. Надеюсь, в вопросе книгопечатания мы обгоним московитов.

ИВАН. Брат, мы станем богаты, ты станешь богат. Ты ведь этого хотел, ты ведь ради этого уехал из отцовского дома!

СКОРИНА. Уже не помню, Иван...

Прага. Типография. (6 августа 1517-го года от рождества Христова).

ЮРИЙ ОДВЕРНИК (*держит в руках свежееотпечатанную книгу*). Никогда не думал, что мне будет нравиться запах свежей краски.

ПЕЧАТНИК. Мы привыкшие, нам не пахнет.

СКОРИНА. Как я рад, что вы приехали.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК (*читает предисловие*). «Людем простым посполитым к пожитку и ко розмножению добрых обычаев». Дай-то Бог, дай-то Бог...

ИВАН. Позвольте. (*Берет книгу у Одверника*). Тяжелая.

СКОРИНА. И далась тяжело. Всё-таки, первый опыт.

ИВАН. Сколько листов?

ПЕЧАТНИК. Сто сорок два.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Большое дело сдвинули.

СКОРИНА. Только сдвинули. Сколько трудов впереди!

ПЕЧАТНИК. Печать пока одноцветная, двуцветную не осилили.

СКОРИНА. Заставки, виньетки, инициалы – всё наше. И особая гордость – две гравюры.

МАРТИН. Царя Давида на титульном листе вижу. Где еще?...

СКОРИНА. Ищи «Песни Моисеевы».

МАРТИН. Нашел... Древо рода Христова, насколько вижу.

ПЕЧАТНИК. В других типографиях, правда, станки получше и граверы помастеровитей. Техника наших гравюр несколько грубовата.

СКОРИНА. Зато самый лучший переплетчик в Европе – ты, Петр.

ПЕЧАТНИК. Стараюсь, доктор, стараюсь.

СКОРИНА. Ничего, Бог даст, хороших гравюров пригласим.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Главное – начало. Будет наша Библия с лучшими гравюрами.

ИВАН (*читает последнюю страницу*). «Скончалася Псалтырь сия з божиею помощью повелением и працею избранного мужа в лекарских науках доктора Франциска, Скорина сына с Полоцка, у старом месте Празском лета по божьем нарождении тысецного пятьсотого и сегонадесять, месеца августа, дняя шестаго». (*Одвернику*). Первый тираж мы завтра же увезем в Литву. Эта книга принесет целое состояние. (*Скорине*). Если бы отец восстал из гроба, он бы обнял тебя.

СКОРИНА. Я – в неоплатном долгу перед ним, многим, очень многим обязан ему. Пусть он услышит меня на небесах.

ИВАН (*обнимает брата*). Он слышит тебя, Франциск. И гордится тобой.

ФРАНТИСКА. Разрешите мне поцеловать тебя, Франциск. (*Целует*.)

ИСААК (*бурчит в углу, глядя на поцелуй*). Что твориться на свете, что твориться! Совсем стыд люди потеряли.

ИВАН (*отводит Скорину в сторону*). Где ты нашел этого иудея?

СКОРИНА. Как-то сам прибился. Иудеям несладко живется в этом городе.

ПЕЧАТНИК. Выгоняет их магистрат то из Нового места, то из Старого.

СКОРИНА. Всё выселить норовят из Праги. Метки еврейские заставляют носить.

ИВАН. А что он у тебя делает?

СКОРИНА. Исаак? Помогает с переводом. Он грамотный. Без него бы я никогда не разобрался в еврейских буквах. Их всего 22-е, а столько мороки! Без знания Торы сложно докопаться до истины. Всё-таки, переводы семидесяти толковников септуагинты грешат неточностями.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Господа первопечатники, я всегда вожу с собой бочонок литовского питного мёда. Сегодня он очень к сроку!

СКОРИНА. Мы здесь совсем отвыкли от родных напитков.

ИСААК. Зато причастились к пиву.

ФРАНТИСКА. Что ты имеешь против чешского пива?

ИСААК. Я ничего не имею против вашего пива, пани Франтиска. Я вообще ничего не имею против кого-то. Зачем мне что-то иметь на свою голову?

СКОРИНА (*улыбаясь*). Вот такой он, наш Исаак. Я понемногу обучаю его лекарским премудростям. Пока кажется неплохим учеником, возможно, станет хорошим помощником.

ИСААК. Исаак еще удивит вас, доктор.

ИВАН. Ты держишь здесь врачебную практику?

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Если денег не хватает, я могу по возвращении переговорить с виленскими меценатами...

СКОРИНА. Дело не в этом. Как могу я бросить дело, которому посвятил столько лет?

ФРАНТИСКА. Он очень хороший врач, мой Франциск. Он стольким пражанам помог. Всё успевает.

ИСААК. Кто бы спорил, пани Франтиска! У меня был чирей, мучавший меня...

СКОРИНА. Исаак, без анатомических подробностей!

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Удивительно созвучны ваши имена: Франциск и Франтиска! Похоже на название прекрасной поэмы о любви. Похоже, это и есть любовь!

СКОРИНА. На всё – воля Божья.

ИВАН. Так выпьем же, Франциск, за твою первую книгу и за твою Франтиску!

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Литвины сегодня пьют питный мёд.

ИВАН. Где кружки?

ФРАНТИСКА. Сегодня не я причина праздника.

ПЕЧАТНИК (*выносит кружки*). Душа исстрадалась по родному вкусу.

ИСААК. Можно я тоже немножечко побуду литвином?

Смеясь, разливают напиток по кружкам.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Доктор Франциск, сегодня – ваш праздник. Скажите.

СКОРИНА. Да-да, праздник... (*Кладет перед собой Псалтырь.*) Други мои, чтобы сегодня перед нами лежала эта книга, я несколько лет изучал технику печатного дела и гравировки в Венеции, Аугсбурге и даже...

Замолкает, смотрит на книгу.

ИВАН. Что с тобой?

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Вы чем-то расстроены?

СКОРИНА. Все мои слова – пустое... Непустое – это слово Божие, которое отныне будет звучать на моём языке. У нас есть книга! За книгу!

ИВАН. За первую книгу!

Чокаются, пьют.

ИСААК (*отпив меда*). Я не откажусь еще разочек побыть литвином.

Смеются. Стук в дверь.

ПЕЧАТНИК. Мы кого-то ждем?

СКОРИНА. Все наши – здесь.

ИСААК. Надеюсь, праздник не закончиться торжественным сжиганием нашего еретического собрания.

СКОРИНА (*печатнику*). Петр, открой, пожалуйста.

Печатник открывает засов. В типографию осторожно входит незнакомец.

ЯН СЕВЕРИН. Праздник в самом разгаре?

СКОРИНА. Не имею чести знать...

ЯН СЕВЕРИН (*словно не слышит*). Разумеется, такой знаменательный повод!

СКОРИНА. Вы кто?

ЯН СЕВЕРИН. Теперь у вас есть возможность читать Священное писание на родном языке.

СКОРИНА. Кто вы?

ЯН СЕВЕРИН. Рождение книги – это прекрасно. Ведь язык, на котором нет книг – обречён.

СКОРИНА (*вскрикивает*). Я слышал это, я помню эти слова...

ИВАН. Что происходит, брат?

ФРАНТИСКА. Я боюсь этого человека, любимый. Нужно позвать на помощь...

ИСААК. А так хорошо начинался вечер.

ЯН СЕВЕРИН. Вас можно поздравить, доктор Франциск.

СКОРИНА. Откуда вы знаете моё имя?

ЯН СЕВЕРИН. Кто же в Праге не знает славного Франциска Скорину...

СКОРИНА. Вам нужна помощь врача?

ЯН СЕВЕРИН (*продолжает недосказанную фразу*). Доктора медицины, а с некоторых пор – книгопечатника.

СКОРИНА. Мне знакома эта манера не отвечать на вопросы. Кто вы, незнакомец?

ЯН СЕВЕРИН. Что?.. А!.. Простите великодушно, не представился... Ян Северин.

СКОРИНА. Ян Северин?

ЯН СЕВЕРИН. Собственной персоной.

ИВАН. Кто это, Франциск?

ЯН СЕВЕРИН (*Ивану*). Имею честь называться Ян Северин. Вместе с сыном Павлом содержу типографию в Праге. Не сочтите за бахвальство, – лучшую в Богемском королевстве.

ПЕЧАТНИК (*тихо Юрию Одвернику*). Глазам не верю – сам Северин! Он печатает великолепные книги!

СКОРИНА. Наслышан о вас. Чем могу быть полезен?

ЯН СЕВЕРИН. Вы?.. Может, это я чем-то могу быть полезен?

Молчание.

СКОРИНА. Мы виделись когда-нибудь с вами?

ЯН СЕВЕРИН. Не припомню.

СКОРИНА. А мне кажется, я вас где-то видел. И уж слышал – наверняка.

ЯН СЕВЕРИН. Вам кажется. В мире всё переплетено: всё похоже на всё, и все похожи на всех.

СКОРИНА. Нет-нет...

ЯН СЕВЕРИН. Не мучайте понапрасну память, лучше выслушайте моё предложение... Простите за бестактность, не найдется ли у вас выпить?

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Если не побрезгуете, – литовский питный мёд. (*Протягивает кружку.*)

ИСААК. Я бы тоже еще раз не побрезговал.

ЯН СЕВЕРИН (*отпивает глоток*). Станный вкус. Горько и сладко одновременно. По напитку можно судить о характере народа.

СКОРИНА. Какое предложение, господин Северин?

ЯН СЕВЕРИН. Разрешите сначала взглянуть на книгу?

СКОРИНА. Петр, покажи.

Печатник кладет перед гостем экземпляр Псалтыри. Ян Северин открывает обложку и начинает медленно и аккуратно рассматривать книгу: проверяет качество переплёта, глядится в буквы, водит пальцами по бумаге, нюхает краску...

ЯН СЕВЕРИН. Ничего-ничего... Интересно... Ах, вот как... А это что такое?.. Может быть, может быть... Выдумщики какие... Ну-ну... (*Закрывает книгу, поглаживает кожаный переплёт.*)

ПЕЧАТНИК (*не выдерживает затянувшегося молчания*). Вам что-то не нравится в переплете?

ЯН СЕВЕРИН. Ну что вы, замечательный переплёт.

ПЕЧАТНИК (*хвастливо*). Моя работа.

СКОРИНА. Петр – мой земляк и правая рука.

ИСААК (*бурчит*). Ну, конечно, конечно, не я же...

ЯН СЕВЕРИН (*Скорине, почти с вызовом*). Вы – протестант?

СКОРИНА (*растерялся от прямоты вопроса*). Я не вижу разницы между католиками, православными и протестантами.

ЯН СЕВЕРИН. Вот как? (*Улыбнулся.*) Скажите спасибо, что мы в Праге, самом вольнодумном городе Европы. В других краях вам бы не поздоровилось.

СКОРИНА. Именно поэтому я тут.

ЯН СЕВЕРИН. И всё же?

СКОРИНА. Моя вера – моё личное дело.

ЯН СЕВЕРИН. Я настаиваю.

ИВАН. Господин Северин, вы не переходите границы приличия?

СКОРИНА. Подожди, Иван. (*Северину.*) Можете считать, что я – бывший православный, или будущий католик, или сегодняшний протестант.

ЯН СЕВЕРИН. А кем вы сами себя считаете?

ИВАН. В конце концов, что это за вопрос?

СКОРИНА. Постараюсь ответить... Я – семьдесят первый толковник, раб своего народа и проводник слова Божьего. Не апостол и не пророк, но искатель свободы: для себя, для своего разума, для своих братьев и сестер. Я ищу внутреннюю свободу христианина, зажатого рамками церковных правил и традиций. Несвобода христианина – вот что меня волнует.

ЯН СЕВЕРИН. Свобода? Какой свободы вы ищите?

СКОРИНА. Свободы на пути к Христу. Я ищу своего Христа, слово его незамутненное, чистое, праведное. Бог един для всех. Поэтому рано или поздно найдется тот, кто разрушит двоевластие церквей и объединит всех христиан перед ликом Всевышнего.

ИСААК (*тихо, закрывая уши*). Этого я не слышал, этого я не слышал...

ИВАН (*Скорине*). Кто он такой, чтобы лезть тебе в душу?

СКОРИНА (*Ивану*). Мне сегодня необходимо, чтобы кто-то лез в душу.

Молчание.

ЯН СЕВЕРИН (*про что-то своё*). Значит, пора... (*Неожиданно Скорине*). У вас есть деньги?

СКОРИНА. Нас поддерживают меценаты... (*Оглядывается на Юрия Одверника*.)

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Назовите сумму.

ЯН СЕВЕРИН. Печататься в моей типографии не дешево. Но это стоит того. Гляжу, у вас потрёпанный старенький станок. И книжная графика несовершенна. Предлагаю вам печататься у меня. Мои граверы будут в вашем распоряжении.

СКОРИНА. Почту за честь, но что скажут мои...

ЮРИЙ ОДВЕРНИК (*перебивает*). Ваши виленские покровители слов не меняют: нужна великая книга!

ЯН СЕВЕРИН. Договорились. (*Улыбнулся*.) У красивого языка должны быть красивые книги. Прошу прощения за незванный визит.

Ян Северин уходит так же тихо, как и вошел.

ПЕЧАТНИК. Неужели мы будем печататься у самого Яна Северина!

ИВАН. Очень странный человек.

ФРАНТИСКА. Как он меня напугал, любимый.

СКОРИНА. Похоже, вестники судьбы не всегда носят белые одежды.

ИСААК. Доктор, вы слышали легенду о Големе?

Прага. Типография. (Апрель 1520-го года от рождества Христова).

Печатник и Исаак спешно упаковывают книги в ящики и выносят их из типографии.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Франциск, поверь, другого варианта нет!

СКОРИНА. Господин Одверник!

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Слушай, прекрати с этим «господином». Мы знакомы много лет, я давно перешел на «ты», пора тебе поступить также. Не время разводить церемонии, нужно спасать книги и самого себя.

ИСААК. Исаак будет очень благодарен господам, если и его не забудут.

СКОРИНА. Господин... Хорошо, хорошо – Юрий... Юрий, как можно враз бросить то, что создавалось годами?

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Господи, Франциск, где ты витаешь! В Праге третий месяц свирепствует чума! Слава Богу, вы не заразились. Спешил сюда, одна мысль в голове стучала: только застать их живыми. Почему вы сразу не уехали из Праги, едва понесли первые трупы?

ИСААК. Добрый господин прав. Египетские напасти – шалости по сравнению с тем, что творится сейчас в Праге.

ПЕЧАТНИК. Мы убеждали господина доктора, но он и слушать не стал. Тут недалеко – костел Святого Стефана. Из окна видно, как на приходском кладбище ежедневно хоронят по 20—30 несчастных. Вымерла практически вся школа при костеле.

ИСААК. Хоронящие своих умерших внезапно падают на них замертво. Но наш доктор еще не успел напечатать весь русский Танах.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК (*с сарказмом*). Франциск, дружище, может быть, ты изобрел волшебный эликсир, спасающий от бубонной чумы?

СКОРИНА. Ты знаешь, медицина бессильна перед этой напастью. Можно остеречься от общения с зараженными, но спаси больных – увы...

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Тогда что ты делаешь в этом чумном аду, обезумевший доктор? Сохрани себя для тех, кому сможешь принести пользу.

СКОРИНА. Юрий, я не могу оставить здесь любимую женщину.

ИСААК. Я всегда подозревал: главное зло – от женщин. (*Воздел руки к небу*.) Мама-покойница, к тебе это не относится.

Молчание.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Франциск, для того ли ты прошел через тернии, чтобы умереть у ног женщины.

СКОРИНА. Ты не знаешь, какая она.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Никакая женщина не стоит жертв.

СКОРИНА. Она – особенная.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Все они – «особенные» до свадьбы. Почему-то после замужества становятся похожими друг на друга. Они ищут одного – удобного мужичка, на котором можно ездить до скончания века. Поверь мне, женатому.

СКОРИНА. Ты говоришь отвратительные слова.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Я готов проорать тысячу отвратительных и гадских слов, чтобы образумить спятившего от любви.

ИСААК. Будем премного благодарны доброму господину.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Ты что, решил поиграть в Тристана, умирающего у трупа Изольды?

СКОРИНА. Это Изольда умерла у трупа Тристана.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Да плевать! Тоже мне, мистик! – Франциск и Франтиска! Начало прекрасной поэмы!

СКОРИНА. Юрий, ты веришь в любовь?

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Любовь? Что за глупости? О какой любви ты говоришь?

СКОРИНА. О любви к женщине.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Вот как! *(Помолчав.)* Знаешь, еще есть любовь к семье, к родине, к Господу!

СКОРИНА. Бьешь под дых?

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Надо будет – и в морду дам. На правах старого друга. Ты что себе позволяешь? Хочешь сдохнуть, не закончив главного дела жизни? Кто его закончит за тебя, Скорина? Сколько книг ты перевел и издал? Двадцать? Тридцать?

ПЕЧАТНИК. Двадцать три.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. А сколько не перевел и не издал?

ИСААК. Танах – очень толстая книга, работы надолго хватит.

СКОРИНА. Возможно, ты прав, Юрий...

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Тысячу раз прав. Подумай о людях, доверившихся тебе. Подумай об этих.

(Показывает на вспотевших Печатника и Исаака.) Они – твои слуги и верники.

ИСААК. Спасибо на добром слове. Кто еще заступится за бедного еврея?

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Ты предашь их из-за какой-то чешской бабы?

СКОРИНА. Оставить её – выше моих сил.

ГОЛОС ФРАНТИСКИ. Я помогу тебе.

Из полутени выходит Франтиска.

СКОРИНА. Франтиска, я не заметил, когда ты вошла. *(Делает шаг навстречу.)*

ФРАНТИСКА. Не приближайся ко мне!

СКОРИНА. Ты не хочешь, чтобы я обнял тебя?

ФРАНТИСКА. Не хочу. В тому же, во время мора лучше держаться подальше друг от друга.

СКОРИНА. Ты поверила, что я могу бросить тебя?

ФРАНТИСКА. Какое гадкое слово – «бросать». «Расставание» – куда красивее. *(Одвернику.)* Вы уверены, что хорошо знаете женщин?

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Простите, мои слова вам не предназначались.

ФРАНТИСКА. Я не собиралась подслушивать. Так было уготовано судьбой. Дверь – нараспашку.

СКОРИНА. Франтиска, ты слышала всего лишь слова, пустые слова.

ФРАНТИСКА. Ложь! Кому, как ни тебе, знать силу слова.

СКОРИНА. Я говорю правду.

ФРАНТИСКА. Правду? Твоя правда – что-то ускользающее. Ты и сам не знаешь, какая она, твоя правда. Ты не нашел её, Франциск. И не уверена, что найдешь.

СКОРИНА. Я люблю тебя.

ФРАНТИСКА *(рассмеялась)*. Не обманывай себя, это не любовь. *(Очень серьезно.)* Ты искренне веришь, что сможешь остаться ради меня в Праге? Построишь мне дом? Вырастешь со мной детей? Дождешься внуков? Встретишь старость?

СКОРИНА. Опять... Опять эти слова... *(Опускает голову на руки)*. Господи...

Долгое молчание.

МАЛГОЖАТА. Вот и ответ... И перестань говорить мне о любви, Франциск.

СКОРИНА. Прости меня...

МАЛГОЖАТА. Молчи. Терпеть не могу эти мужские «прости». Подними голову, оскорби, ударь, только не нужно этого униженного «прости».

ПЕЧАТНИК. Все сложено, господин Одверник. Поедем окружной дорогой. Поторопитесь, скоро закроют городские ворота. *(Уходит.)*

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. *(Скорине)*. Лошади готовы, мы ждём тебя, Франциск. И вы уезжайте куда-нибудь на время, Франтиска. В какую-нибудь дальнюю деревню. Не держите на меня зла. *(Уходит.)*

ИСААК. Я-таки не понял, найдется для меня местечко, вельможный пан, или рысцей за повозкой? *(Семенит за Одверником.)*

СКОРИНА. Прости.

МАЛГОЖАТА. Господи... Да будь ты... Что за мужик! *(Отворачивается к окну.)*

Скорина уходит. Франтиска одна.

ГОЛОС ИСААКА. Яхве вам воздаст за доброту! Век буду молиться за вас, господа! Потомкам накажу молиться за вас! До пятого колена будут молиться, как миленькие!

Шум отъезжающей повозки. Стук деревяшки чумного обходчика.

ФРАНТИСКА. Прощай, мой Франциск... Прощай, любимый... Мы могли бы прожить долгую-предолгую жизнь, нарожать много детей и умереть в один день.

ЯН СЕВЕРИН *(появившийся, как обычно, незаметно)*. Не могли...

ФРАНТИСКА. Вы всегда пугаете меня.

ЯН СЕВЕРИН. Вот, зашел попрощаться. Не успел.

ФРАНТИСКА. Или не хотели успеть.

ЯН СЕВЕРИН. Не сожалейте, Франтиска. У него другая судьба.

ФРАНТИСКА. Я знаю.

Вильно. Дом Юрия Одверника. (1520 год от рождества Христова).

Скорина и Петр входят в дом, хозяин бросается навстречу.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Сколько можно приводить себя в порядок? Заходите, располагайтесь. Поживете первое время у меня, отдохнёте с дороги, а там посмотрим. Я уже послал человека в магистрат, если ясновельможные на месте, прибудут с минуты на минуту. Ты не представляешь, как тебя ждали. Прикажу накрыть на стол. *(Уходит в глубину дома, кричит там.)* Маргарита! Жена, где ты? Гости в доме!

Скорина устало опускается на ящик с книгами. Печатник присаживается рядом.

ПЕЧАТНИК *(помолчав)*. Всё с начала?.. *(Скорина не отвечает.)* Жаль, что печатный станок не смогли увезти... *(Скорина не отвечает.)* Слава Богу, успел упаковать заглавный шрифт... Часть инициалов спас... Заставки придется делать заново... Шрифты строчные пропали... *(Скорина не отвечает.)* С фигурными гравюрами теперь будет морока... Всё-таки, гравёры Северина – лучшие...

СКОРИНА. Петр, ты можешь помолчать? Разговорился, как Исаак...

ПЕЧАТНИК. Простите, господин доктор. *(Помолчал.)* Всё-таки, куда он пропал?.. Словно растворился под Варшавой.

СКОРИНА. Может, нашему Исааку на роду написано скитаться до второго пришествия. Слышал про Агасфера, вечного жида?

ПЕЧАТНИК. Как пришел, так и ушел...

СКОРИНА. Жалеешь?

ПЕЧАТНИК. Может быть... Привык... Хотя с его запахом сложно смириться...

Размашисто входит Мартин Одверник. На мгновение замирает, глядя на Скорину.

МАРТИН. Жив! Слава Богу, жив! *(Крепко обнимаются.)* Отец сейчас подъедет, я опередил его. Ну, как доехали?

ПЕЧАТНИК. Чем дальше на восток, тем больше ухабов. Как сказал бы наш пропащий Исаак: хвала Яхве, задница цела, но вся в синяках.

СКОРИНА. Это мой печатник Петр.

МАРТИН. Гляжу, он чувства юмора в дороге не потерял, а на тебя смотреть страшно. Очнись, Франциск, ты – на родине. Начинается новая жизнь!

СКОРИНА. Мартин, сколько раз можно начинать жизнь заново? И можно ли её начать заново?

МАРТИН. Понимаю, ты устал... Но завтра отдохнёшь и снова начнешь мечтать и творить.

СКОРИНА. Мечтать, творить... Какие высокие слова!.. А жизнь, как выясняется, – мозоли, пот, болезни, кровь, смерть, иногда в общей могиле с запахом извести... И – предательство.

МАРТИН. Кто тебя предал Франциск?

Молчание.

ПЕЧАТНИК. Да сбежал тут от нас один Агасфер вечный...

СКОРИНА (*перебивает*). Да причем здесь злосчастный Исаак! Петр, уйди куда-нибудь, дай поговорить с другом.

ПЕЧАТНИК. Простите, доктор. Я сегодня и в самом деле болтлив не в меру. От радости, что всё кончилось. Посижу в прихожей. (*Уходит.*)

МАРТИН. Тебя предали?

СКОРИНА. Не допускаешь мысли, что предал я?

МАРТИН. Не наговаривай на себя. Я знаю тебя почти вечность! Не верю. Что случилось?

СКОРИНА (*помолчав*). Забудем этот разговор.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК (*пробегают через комнату*). Приехали! Поднимаются! (*Кричит на ходу*).

Маргарита, прикажи ставить шесть приборов! А Петру на кухне накройте!

МАРТИН. Франциск, хоть вид сделай, что рад их видеть. Улыбнись что ли. А то – как с креста снятый. Они очень ждали вашего возвращения.

СКОРИНА. Понимаю, Мартин. Постараюсь.

МАРГАРИТА (*выходит из дверей зала*). Юрий, я поставлю седьмой прибор, вдруг еще кто-то нагрет!.. (*Замечает гостей.*) Здравствуйте, Мартин.

МАРТИН. Добрый день, Маргарита.

Неловкая заминка. Маргарита незнакома с Франциском.

МАРТИН. Юрий вас не представил?

СКОРИНА. Не успел.

МАРТИН. Простите, не знал... Франциск, познакомься – Маргарита Одверник. Маргарита, это тот самый знаменитый доктор Франциск Скорина, из-за которого сегодняшняя переполох в литовской столице... (*Пауза. Показывает на дверь.*) А там его печатник. Петр, кажется... (*Пауза.*) Пойду встречу отца. (*Уходит.*)

СКОРИНА. Рад знакомству.

МАРГАРИТА. Вы не очень похожи на свой гравюрный портрет в «Книге Царств». На нём вы выглядите старше и суровее. Реальность лучше портрета.

СКОРИНА (*улыбнулся*). И вы выглядите не такой, как я себе представлял...

МАРГАРИТА. Представляли?

В радостном возбуждении входят Якуб Бабич, Богдан Онков, Юрий Одверник, Мартин.

За их спинами в дверях топчется Печатник.

ЯКУБ БАБИЧ. Слава Богу. (*Обнимает Скорину.*) По лицу вижу, что дорога бала приятной.

Уполномочен передать слова приветствия от великого литовского гетмана князя Константина Ивановича Острожского. Он, как всегда, занят государственными делами, но в ближайшее время ждёт вас с визитом.

БОГДАН ОНКОВ. Если ему не придется, как прошлым летом отбиваться от крымских татар. Не дай Бог, конечно.

СКОРИНА. Мы слышали, была страшная сеча на Волыни.

БОГДАН ОНКОВ. Из-за спеси польских вояк гетману пришлось начать неподготовленное наступление. Положили столько жизней!

МАРТИН. Под Сокалем погибли 1200 лучших рыцарей.

ЯКУБ БАБИЧ. Будем надеяться, что в ближайшее время ни крымский хан, ни тевтонский орден к нам не полезут и вы благополучно доберетесь в княжескую резиденцию.

СКОРИНА. С удовольствием, как только отосплюсь.

БОГДАН ОНКОВ. Ну, спать мы вам тут не дадим, не для того вытащили из Европы. *(Одвернику.)* Трудно было?

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Главное – все живы.

БОГДАН ОНКОВ. Мы вознаградим ваши усилия.

ЯКУБ БАБИЧ. Как говорится: от судьбы не уйдешь. Так получается, доктор? Мой дом – в вашем распоряжении. Русский квартал, район рынка. Там ваша типография будет, как у Христа за пазухой.

СКОРИНА. Мы не смогли вывезти печатный станок.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Нельзя было рисковать. Да и времени было в обрез.

БОГДАН ОНКОВ. Купим новый. Наши обязательства перед вами неизменны. Вы привезли последние тиражи?

ПЕЧАТНИК *(из дверного проёма)*. Всё до последнего листа привезли. И даже часть шрифтов.

БОГДАН ОНКОВ. Это кто у нас?

СКОРИНА. Мой печатник, Пётр.

БОГДАН ОНКОВ. Вроде не чех. По-нашему говорит.

ПЕЧАТНИК. Из Мстиславца я.

ЯКУБ БАБИЧ *(смеется)*. А мы перепугались: шпиона доктор привёз!

ПЕЧАТНИК. Вот вам крест, православные! *(Креститься.)* Литовско-подданный я.

СКОРИНА. Петр, господа шутят.

ПЕЧАТНИК *(уходит, бурча)*. Барские шутки плохо кончаются для нашего брата.

БОГДАН ОНКОВ. Я иногда посещаю Москву по торговым делам, попытаюсь изучить спрос на ваши книги. Дадите мне несколько экземпляров, я скоро туда отправляюсь.

ЯКУБ БАБИЧ. У нас, наконец, дошли руки до Статуса Великого княжества литовского. Доктор Франциск, как вы смотрите на идею привлечь вас к этой работе? Ваш опыт будет полезен.

СКОРИНА. Это же совсем другая... Даже не литература, а документ...

ЯКУБ БАБИЧ. А вы не торопитесь отвечать. В нашем княжестве дела делаются не спеша: пока проснёмся, пока перевернёмся, пока потянемся... Подумайте, время есть.

МАРТИН *(негромко)*. Франциск, не вздумай отказываться. Это же шанс войти в историю.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Кроме того, это хорошие деньги.

ЯКУБ БАБИЧ. Само собой, само собой.

СКОРИНА. Сначала нужно возродить типографию. Многим теперь придется заниматься самому.

БОГДАН ОНКОВ. Будете продолжать печатать Библейские книги?

Молчание.

СКОРИНА. Говорят, делиться своими планами – смешить Бога.

ЯКУБ БАБИЧ *(улыбнулся)*. Не бойтесь, мы ему ничего не скажем.

СКОРИНА *(бросив короткий взгляд на Маргариту)*. Ну что ж, попробую проверить на себе эту поговорку. Полагаю, сейчас очень нужна небольшая книга, сборник самых распространенных в православии учебных и религиозных книг.

МАРТИН. Ты имеешь в виду Псалтырь, Святцы?

СКОРИНА. И еще – Часословец, Шестидневец, да многие.

БОГДАН ОНКОВ. Так сказать, Псалтырь с послесловием?

СКОРИНА. Вроде, только небольшого формата, чтобы брать его с собой в длительные путешествия.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК *(улыбнулся)*. Это пришло в голову по дороге из Праги? Неудобно на ухабах читать собственные книги?

СКОРИНА. Как знать... *(Мельком смотрит на Маргариту.)* Как знать...

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Думаю, коммерческий успех этой книге обеспечен. Мало кто из купцов откажет себе в удовольствии.

БОГДАН ОНКОВ. Как назовете? – «Купцам в дорогу»? «Изборник для путешественника»?

СКОРИНА. Пока не придумалось.

ЯКУБ БАБИЧ. Если прислушаетесь: «Малая подорожная книжица». Просто, понятно, по-нашему.

МАРТИН. Замечательная мысль! *(Тайком подмигивает Скорине.)*

СКОРИНА. С благодарностью воспользуюсь вашей подсказкой, господин найстарший бурмистр. Первый экземпляр преподнесу вам.

ЯКУБ БАБИЧ. Ну-ну, на малую книжицу у меня найдутся деньги. Вот на большую – не знаю, не знаю!.. *(Смеется.)*

МАРГАРИТА *(успевшая за это время несколько раз выйти и проверить ход приготовления к обеду)*. Юрий, стол накрыт, приглашай гостей отобедать.

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Господа, мы можем продолжить разговор за столом. Прошу.

Гости перемещаются в зал.

БОГДАН ОНКОВ. Посмотрим, посмотрим, как живется «золотому мешку».

ЮРИЙ ОДВЕРНИК. Дался тебе этот «золотой мешок», право. Перекусим, что Бог послал.

БОГДАН ОНКОВ. Знаем, знаем, что тебе Бог посылает. *(Заходя в зал.)* Ну вот, так и знал, только манны небесной не хватает.

МАРГАРИТА. Господин доктор, скажите вашему Петру, что его накормят на кухне. *(На минуту остаются одни.)* Нас прервали. Вы сказали, что представляли меня? Каким образом?

СКОРИНА. По рассказам вашего мужа. *(Улыбается.)* И позвольте заметить, реальность куда лучше рассказов.

Вильно. Дом Юрия Одверника. (Март 1525-го года от рождества Христова).

СКОРИНА *(входит)*. Позвольте?

МАРГАРИТА *(в трауре)*. Входите, доктор Франциск. Простите, не была предупреждена о вашем визите. *(Молчание.)* Приказать накрыть стол?

СКОРИНА. Спасибо, госпожа Одверник, не голоден. *(Молчание.)* Я с подарком. *(Вынимает из лекарской сумки книгу.)* Долгожданный «Апостол». Примите в дар. Третий экземпляр.

МАРГАРИТА. Первый, как обычно – Якубу Бабичу. Кому второй?

СКОРИНА. Бабичу на сей раз – второй. Первый – великому гетману князю Константину Ивановичу Острожскому. *(Молчание.)* Если бы не его покровительство православию и книгопечатанию, вряд ли бы мы увидели эту книгу.

МАРГАРИТА. Да-да... Благодаря хлопотам и ходатайствам князя перед Сигизмундом, православные Литвы в большей милости, чем прежде... Сколько монастырей, церквей и школ заложено при нём!

Молчание.

СКОРИНА. Князь очень скромный человек. Когда я впервые был допущен к нему, то поразился удивительной скромности его жилища: деревянные некрашенные полы, изразцовые печи и простые лавки – вот и всё убранство дома одного из богатейших и могущественных вельмож Литвы...

Собственно, зачем роскошь тому, кто полжизни провел на поле боя? Три десятка военных побед!

(Молчание.) Знаете, папский легат в Польше утверждает, что князь Острожский – лучший военачальник нашего времени, не уступающий на поле боя самому Ромулу, у которого есть только один недостаток – он православный.

Молчание.

МАРГАРИТА *(разглядывая подарок)*. Красивая получилась книга.

СКОРИНА. Жаль, Юрий не дожил. Он был бы рад. *(Молчание.)* Медицина еще так мало знает о человеческих болезнях.

МАРГАРИТА. Не вините себя, доктор Франциск. На всё – воля Божья. Сколько написано на роду человеку...

СКОРИНА. Я лишился одного из лучших друзей. Может быть, самого...

МАРГАРИТА. Я ценю ваше участие... *(Молчание.)* Мы не виделись со дня похорон мужа. Что нового в вашей жизни? Вам хватает времени на медицинскую практику?

СКОРИНА. Кажется, на этой почве дела движутся вполне успешно.

МАРГАРИТА. Почему «кажется»?

СКОРИНА. Приглашают стать личным лекарем епископа Яна. И даже его секретарем.

МАРГАРИТА. Католический епископ Вильно? И вы согласитесь?

СКОРИНА. Пока не знаю. Но это очень важное знакомство и серьезные связи.

МАРГАРИТА. Остерегайтесь этого человека, господин Франциск. Вы же знаете, чей он сын?

СКОРИНА. Вы уверены, что не сплетни?

МАРГАРИТА. Если бы Ян не был внебрачным сыном короля Сигизмунда, он бы не достиг таких вершин власти. Чтобы в 20 лет стать Виленским бискупом, недостаточно знать назубок катехизис.

СКОРИНА. Не хочется вникать в хитросплетения родовых связей польского двора, меня приглашают лечить человека.

МАРГАРИТА. Не обольщайтесь, доктор, рядом с Яном вам придется заглянуть за ширму государственных интриг.

СКОРИНА. Надеюсь, я останусь чистым.

МАРГАРИТА. Не надейтесь. Ян – фактически наместник своего отца в Литве. Не заигрывайте с властью, чаще всего это плохо кончается... Простите, не моё дело советовать вам, человеку ученому и умудренному жизненным опытом.

Молчание.

СКОРИНА. Очевидно, мне пора откланяться... *(Встает.)*

МАРГАРИТА. Заходите чаще... *(Молчание. Скорина стоит в дверях.)* Эти месяцы после смерти мужа мне было мучительно... одиноко... Сейчас весна на дворе, стало теплее, закапало с крыш, потекли ручьи... А я не могу забыть прошедший январь с мучительным кашлем Юрия, горячкой, агонией последних ночей... Я словно заиндевели, я всё еще там, в проклятой зиме... Простите, я всё о своём горе... Даже забыла поздравить вас с выходом «Апостола». Рада, поздравляю.

(Рассматривает книгу.) Какая книга выйдет следующей?

СКОРИНА. Не знаю... *(Молчание.)* Это зависит от... вас.

МАРГАРИТА *(впервые за время разговора поднимает глаза на Скорину)*. От меня?

СКОРИНА. Маргарита, вы верите в любовь?

Тягостное молчание.

СКОРИНА. Простите, я не должен был задавать этот вопрос. Вы с такой болью говорите о покойном муже... К тому же, не окончен траур. Прощайте. *(Решительно направляется на выход.)*

МАРГАРИТА. Вы тоже мне нравитесь, Франциск. С первой нашей встречи.

Молчание.

СКОРИНА. Я смею надеяться?..

МАРГАРИТА. Закрой двери. *(Подходит к Скорине, заглядывает в глаза)*. Ничего не бойся, Франциск... Мы проживем долгую-предолгую жизнь, я нарожаю тебе много детей, мы будем счастливы вместе и умрём в один день.

Обнимаются. Молчание. Маргарита тихо плачет.

СКОРИНА *(шепотом)*. Мы проживем долгую-предолгую жизнь, ты нарожаешь мне много детей, мы будем счастливы вместе и умрём в один день.

МАРГАРИТА *(улыбается сквозь слёзы)*. А дом у нас есть, строить не нужно.

СКОРИНА. Маргарита, Маргарита... Малгожата... Господи...

МАРГАРИТА. Теперь уходи, пока не увидели слуги.

СКОРИНА. Я приду завтра вечером... Нет, днем... Или – утром...

МАРГАРИТА. Приходи каждый день: ранним утром, поздней ночью, когда хочешь.

СКОРИНА. До завтра, Малгожата. *(Идет к двери.)*

МАРГАРИТА. Знаешь, три года назад у него умерла жена, оставив ему малолетнего сына.

СКОРИНА *(замер)*. У кого?

МАРГАРИТА. У князя Острожского. Как ему одиноко!

Познань. Тюрьма. (Весна 1532-го года от рождества Христова).

КАШТЕЛЯН. Двенадцать тысяч триста шестьдесят грошей! Неплохая сумма, если разобраться.

Палач за отрубание головы получает у меня 12 грошей. Чтобы заработать такую сумму, ему понадобится отрубить... *(Считает на бумажке.)* Ого! – 1030 голов! Бедный палач за всю жизнь не заработает таких денег. Сколько ты берешь с больного за посещение, Франтишек? Даже если больше, чем за отрубленную голову, откуда у тебя такие деньги?

СКОРИНА. Я не отрицаю, мне досталась часть наследства покойного брата.

КАШТЕЛЯН. Попробовал бы отрицать! В нашем королевстве всё запротоколировано. *(Достаёт документ.)* Посмотрим, что вы тут делили с племянником после смерти Ивана Скорины в подвале

дома некого Якоба Корба... *(Читает.)* Оставленные на хранение кожи юфтевые в количестве двести пятьдесят восемь по тридцать грошей польских... *(Поднимает глаза на Скорину.)* Говоришь, нет денег? *(Продолжает читать.)* Также чимшевые в количестве пятьсот, каждая сотня по десять флоренов. Прибедняется он! *(Читает.)* А также кожи обычные, сорок шесть тысяч семьсот... Будем и дальше прикидываться, купец? Крепко ты держишься за свой «шкурный» интерес.

СКОРИНА. Я не отрицаю, что участвовал в торговых делах брата, но...

КАШТЕЛЯН *(перебивает, говорит быстрее и с напором)*. А еще тебе остался дом и всё движимое и недвижимое покойной жены, как её... *(Заглядывает в другой документ.)* Малкгореты.

СКОРИНА. Маргариты.

КАШТЕЛЯН. В вашей кирилице не разбираюсь. Что за грамота такая? Никаких правил: как слышите, так и пишете. Куда делись деньги?

СКОРИНА. После смерти брата и жены у меня были большие финансовые затруднения. Мне пришлось покинуть Вильно.

КАШТЕЛЯН. И это знаем. *(Достает следующий документ. Говорит еще быстрее, с еще большим напором.)* Что за странная поездка в Кенигсберг? Не успел приехать, как сразу назад, да еще в душу нагадил доверившемуся тебе прусскому герцогу Альбрехту, сводническими речами увёл у него иудея-лекаря и печатника. Между прочим, иудей бросил там множество обессиленных и недолеченных. А печатник герцога зачем тебе понадобился? Герцог от чистого сердца тебе дал подорожную грамоту, а ты ему свинью подложил. Говоришь, доктор свободных искусств? Какие такие искусства тебе заставляют людей совершать подлые поступки? А твоя жена, эта самая, как её... Проклятая память! *(Заглядывает в бумаги.)* Малкгорета, согласно документам, вдова скоропостижно скончавшегося купца Юрия Одверника. Вроде как с ним у тебя были некие дела. И Малкгорета вдруг также скоропостижно ушла, оставив тебе дом и всё-всё-всё... *(Почти кричит.)* Не кажется ли тебе всё это очень странным, доктор таинственных наук?

СКОРИНА *(не выдержал)*. Я потерял за последние пять лет почти всех родных и друзей, может вы огулом обвините меня в их смерти?

КАШТЕЛЯН *(орёт)*. Кого, кого ты потерял, купец Скоринич?

СКОРИНА *(возбужденно)*. Родного брата! Любимую жену! Лучшего друга Юрия Одверника! Богдана Онкова!!! Якуба Бабича!!! Князя Константина Острожского... *(Понимает, что заговорился.)*

Долгая пауза.

КАШТЕЛЯН. А кто они тебе, Франциск?

Долгая пауза.

КАШТЕЛЯН. Что тебя связывает с этими когда-то могущественными людьми? Ведь не шкурами ты с ними торговал? Что стоит между вами?

СКОРИНА *(почти шёпотом)*. Книга.

КАШТЕЛЯН *(облегчённо вздохнув)*. Вот!!! *(Складывает разбросанные документы.)* Не скорби, у тебя ведь остался сын от покойницы-жены? Как его имя?

СКОРИНА. Симеон.

КАШТЕЛЯН. Да-да... И преданный племянник Роман, который за тебя готов хоть в огонь, хоть в воду, хоть к самому королю на аудиенцию. Хотя, мне думается, все его усилия напрасны... Охрана!

ГОЛОС. Слушаю, господин каштелян.

КАШТЕЛЯН. Пригласи его преосвященство.

СКОРИНА. Что?.. Кого?..

КАШТЕЛЯН. Отпускать тебе грехи будем, Скорина. А потом палач за 12 грошей сделает своё грязное дело... *(Захохотал.)* Да не дрожи так, будь мужчиной – неизбежное нужно принимать с высоко поднятой головой.

Каштелян уходит. Скорина опускается на лавку, закрывает лицо руками.

СКОРИНА. Господи, за что?..

Тихо скрипнула дверь.

ЯН. Терпеть не могу скрипучих дверей. Нельзя смазать?

КАШТЕЛЯН. Простите, ваше преосвященство, упустил. Сейчас исправим.

ЯН. Раньше нужно было, граф Гурка. Идите по своим делам, оставьте нас.

Скорина с удивлением смотрит на гостя, через мгновение припадает к его ногам.

СКОРИНА. Ваше преосвященство!

ЯН. Ого! Когда ты служил у меня, такого почтения, граничащего с унижением я не видел.

СКОРИНА. Как я рад вас видеть.

ЯН. Еще бы. *(Осматривает тюремную камеру.)* Плохо содержат заключенных в нашем королевстве. Нужно подумать об облегчении их участи. Хотя, сколько не вноси в польский сейм законопроекты, толку никакого, шляхта заботиться только о своих привилегиях.

СКОРИНА. Как я рад вас видеть, ваше преосвященство. Господь услышал мои молитвы.

ЯН. Не могу ответить тебе взаимностью. Не испытываю большой радости посещать подобные заведения. Да и встреча с тобой не входила в мои планы. Говоришь, молил Бога, Франциск? Об отпущении грехов?

СКОРИНА. Об освобождении и снятии наговора.

ЯН. Значит, не каялся... А с чего ты взял, что я стану тебя выручать, Франциск? *(Молчание.)* В знак признательности за твоё врачевание? Не скрою, я стал себя чувствовать гораздо лучше после твоих лекарств. Пока не забыл: выпиши мне по старой памяти рецепт на чудодейственный эликсир. С тех пор, как ты удрал в Пруссию, боли в груди возобновились. Тревожат меня эти боли: в пот бросает, одышка. С весом никак совладать не могу. Сколько лет отведёт мне Господь с этими болями, не знаешь?

СКОРИНА. Современная медицина не знает ответов на подобные вопросы.

ЯН. Несовершенная твоя медицина, в отличие от религии. Религия точно знает – душа вечна. Так, Франциск?

СКОРИНА. Хочется верить, ваше преосвященство.

ЯН. Ты, как всегда, сомневаешься. Как это я согласился держать рядом с собой скрытого еретика?

СКОРИНА. Я не еретик, ваше преосвященство.

ЯН. А кто же ты, православно-рожденный?

СКОРИНА. Разве нектолика могли назначить секретарем Виленского бискупа Яна?

ЯН. А может, мне важнее были твои медицинские познания, чем вероисповедание? Католиков вокруг – пруд пруди, а вот где найти в нашем краю хорошего врача? *(Резко меняет тему и интонацию.)*

Почему ты бежал из Вильно, Франциск?

СКОРИНА. Я не бежал.

ЯН. Со стороны это выглядело именно так. Что тебя напугало? Великий Виленский пожар 30-го года? Но дом твоей Маргариты – прости, прости, конечно же твой дом! – не пострадал. Эпидемия 31-го года? Но ты же врач, блестящий врач. Ты не испугался даже страшного мора в Праге. Что прогнало тебя с насиженных мест? Вспомнил юношескую страсть к перемене мест? Молчишь? А хочешь ответу за тебя? – Когда все, на кого ты поставил, один за одним сошли в могилу, ты судорожно пытался подобраться ко мне, чтобы использовать в своих корыстных целях. А когда понял, что ничего не выйдет, бежал. Ты понял, что проиграл и пустился во все тяжкие.

СКОРИНА. Про какие корыстные цели вы говорите?

ЯН. Ну не про шкуры же злосчастные и не про двести шесть коп грошей, разумеется. Я про главную цель твоей жизни.

СКОРИНА. Главная цель врача – лечить людей.

ЯН. Я говорю про книги.

Молчание.

СКОРИНА. Причина моего ареста – книги?

ЯН. Ты удивительно проникателен! Странно, что для постижения столь очевидной истины потребовалось три месяца в тюремной камере. Первопечатник – смертельно опасная профессия, как выясняется. Тебе же прекрасно известно о государственных эдиктах, запрещающих распространение еретических изданий. Шесть лет назад я лично визировал решение синода Виленской епархии о борьбе с реформаторскими веяниями. Ну и остановился бы! Нет же, не здесь, так хоть в Пруссии, но ты мечтаешь продолжить свою Библейскую эпопею! Что, не сложилось? Думал, не достанем тебя там? Не стоило заигрывать с властью, у нас очень длинные руки, Франциск. Тебе это никогда не говорили?

СКОРИНА. Вы намекаете, что смерти моих близких связаны с...

ЯН (*грубо обрывает*). Смерти твои близких связаны с Божьей волей! Не рисуй меня Нероном!

СКОРИНА. Простите, ваше святейшество.

ЯН (*кричит*). Граф! Гурка!

ГОЛОС. Позвать пана каштеляна?

ЯН. А кого я зову, Иисуса Христа? Пусть принесёт книги.

ГОЛОС. Бегу, ваше святейшество!

ЯН. Преосвященство, болван! (*Скорине.*) К сожалению, мы упустили время и твои книги расплозились по свету, как чума. Их уже не сможет собрать в одну горящую кучу ни Папа Римский, ни митрополит московский, ни султан турецкий, прости меня Господи. Кем ты себя возмнил? Кто тебе позволил трактовать и комментировать канонический религиозный текст? Кто ты, примазавшийся в семидесяти толковникам? – Фальшивый тринадцатый апостол, возмнивший себя равным евангелистам!

КАШТЕЛЯН (*вместе с охранником приносит целую кучу книг*). Куда, ваше преосвященство?

ЯН. Бросайте на пол и убирайтесь!

Книги летят на каменный пол. Ян пытается одну поднять, не удаётся согнуться.

ЯН. Да помогите же мне, граф!

КАШТЕЛЯН. Сию минуту, сию минуту, ваше преосвященство. (*Поднимает с пола Библию.*)

ЯН. Всё, уходите, уходите, закройте дверь. (*Указывает на охранника.*) И отгоните подальше этого болвана, чтобы он ничего не слышал.

КАШТЕЛЯН. Не положено, ваше...

ЯН. Наплевать, что тут у вас положено! Снимите охрану!

КАШТЕЛЯН. Мы опасаемся за вашу жизнь.

ЯН. Моя жизнь – в руках Господа. Он – самая надежная охрана. (*О Скорине.*) Этот человек не опасен. Он – как змея, у которой вызвали зубы. (*Каштелян с охранником исчезают дверью.*) Как меня бесит этот скрип!

СКОРИНА. Вы сравниваете меня со змеей...

ЯН. Я сравниваю тебя со змеем искусителем, забравшемся в лоно церкви и совращающем благочестивого прихожанина дьявольским шепотом. (*Кидает на стол раскрытую книгу.*) Что это за предисловия к каждой книге? Какие еще послесловия? Ты чему учился, доктор? Медицине или богословию? Ты позволяешь себе трактовать священные тесты? Как твоё имя? – Франциск, говоришь? Возмнил себя новым Франциском Ассизским? Но тот ходил в отрепьях и всё отдавал нищим. Ты же удавился за двести шесть коп грошей! Ты – Франциск Фальшивый! Как тебя звать на самом деле? – Молчишь? Ты забыл имя, данное при крещении! Откуда тебе досталась эта фамилия – Скорина? Кто был твой отец? – Живодер или скорняк? Может быть, плотник и звали его Иосиф?

(*Тычет пальцем в гравюрный портрет Скорины.*) Гордыня заела? Тискаешь в Библии свою рожу?!

С таким высокомерием христианский мир еще не знаком! Ты хочешь стать вровень с Богом? С умным видом интерпретировать нагорную проповедь, удобно пристроившись на плече Христа?

СКОРИНА. Ваше преосвященство...

ЯН. Молчать!!! Не смей перебивать!!! Я – посланец Папы Римского, наместника Бога на земле!!! Стоять и слушать!!! (*Хватается за грудь.*) Господи, опять эти боли, опять эти боли... Дай воды, воды дай... Есть тут вода?

Скорина бросается к ведру с водой, приносит кружку Яну. Тому очень плохо.

СКОРИНА. Сделайте несколько быстрых вдохов и выдохов. Глубже вдыхайте, ваше преосвященство. (*Ян тяжело вдыхает, понемногу успокаивается.*) И всё же позвольте заметить: мои книги не имеют к католической церкви никакого отношения. И к православной также. Это – светское издание.

ЯН (*немного остыв и отдышавшись*). Светское издание? Какая чушь. Ты хоть сам веришь в то, что сказал? Не может быть Библия светским изданием. Денег захотел? – Так печатал бы дурацкие рыцарские романы или пошлого «Декамерона», пошли бы нарасхват. Библия – священная книга и лапать её кому ни попадя не позволено.

СКОРИНА. Если в каждом доме будет Библия – разве не прибудет на земле правоверных?

ЯН (*посмотрев пристально*). Ты хочешь, чтобы у каждого холопа была Библия? Зачем? Даже если он выучит буквы, он не станет её читать. Поставит на видное место, похвастается перед такими же холопами, а читать не будет. Лучше в кабаки пойдёт.

СКОРИНА. Вы не верите в народ.

ЯН. Народ – это пустое слово. Есть люди, разные люди: глупые и умные, бедные и богатые, холопы и паны. И слово божье может донести до людей только священник. Только у него есть на это право.

СКОРИНА. Вы – католический епископ, вы не можете себе позволить говорить иначе.

ЯН. Не только не могу, но и не хочу, потому как таковы мои убеждения. Кроме того, я – поляк не самых последних кровей. Я не вижу другого пути для моей страны, кроме как в объятиях со Священной Римской империей. За ней – будущее. Рано или поздно на папский трон взойдет поляк, не веришь? Кто сможет противостоять мощи великого католического мира? Православные? Они никогда не смогут объединиться, каждый будет копошиться в своей епархии и доказывать, что он – самый праведный. Они даже перед угрозой магометанства не смогли собраться, сдали туркам без боя Константинополь вместе с патриархом. Они тысячу лет будут на единый церковный собор собираться, да так и не соберутся. Во всякие церковные унии я тоже не сильно верю, это временное, это политическое баловство.

СКОРИНА. А я убеждён, что рано или поздно все христианские церкви объединятся.

ЯН (*пристально смотрит на Скорину*). Что-то ты сегодня расхрабрился, Франциск. На службе у меня не позволял таких дерзостей.

СКОРИНА. Чего мне бояться? Я всё потерял.

ЯН. Ничего не боишься, говоришь? И смерти не боишься?

СКОРИНА. Смерть в последние годы ходит вокруг меня кругами. Я достаточно насмотрелся ей в лицо. Она не такая страшная, какой представлялась в детстве.

ЯН. Есть у тебя страх, Франциск. Знаю я твой страх... (*Помолчав.*) Страх быть забытым. Я моллю Бога, чтобы дожить до завтра, а ты рассчитываешь на вечность! Ты болезненно честолубив. Все эти портреты в Библии, все эти виньетки про доктора Скорину из славного города Полоцка, все эти предисловия-послесловия на выдуманном языке... (*Задумался.*) Кстати, зачем тебе понадобилось изобретать новый язык?

СКОРИНА. Это язык моей земли.

ЯН. Ой-ёй-ёй! Как трогательно. На твоей родине на каких только языках не говорят: на литовском, на русинском, на польском, на московском.

СКОРИНА (*очень тихо*). Пока так...

Молчание. Ян всматривается в лицо Скорины.

ЯН. Побайиваешься-таки ты меня, не договариваешь, всё намеками-намеками... А хочешь, продолжу твою крамольную мысль? Когда формируется новый язык – появляется новое государство. (*Стукнул кулаком по книге.*) О великой родине размечтались во главе с Острожским? Чего так смотришь?

Перед тобой ведь не только священник, но и политик, за плечами которого школа Болонского университета. Жаль, мы немного разминулись с тобой в Италии. Могли бы похлопывать сейчас друг друга по плечу. И как человек, изучавший историю и право, заявляю, что не видать вам своей страны, как собственных ушей. (*Открывает книгу, тычет в неё пальцем.*) Из славного города Полоцка! Никогда там не был, здоровье не позволяет. И дороги ваши проклятые! Это где?

СКОРИНА. На востоке от Вильно. (*С неким вызовом.*) Столица древнерусского княжества. Это древняя земля, славная земля.

ЯН. Киевская Русь, значит.

СКОРИНА. Когда-то.

ЯН. А теперь где, напомни.

СКОРИНА. Вы прекрасно знаете.

ЯН. Ну, прошу тебя, напомни, мой некогда блестящий секретарь.

СКОРИНА. Великое княжество Литовское.

ЯН (*с деланным удивлением*). Вот оно как! А хочешь скажу, где окажется твой Полоцк в скором времени?

СКОРИНА. Судя по вашей нелюбви к униям, предугадываю ответ.

ЯН. Твоей земле сильно не повезло, она оказалась на стыке востока и запада. Её будут всегда делить и раздирать на куски, через неё будут перекатываться войны. Смотри, как кроваво восходит на востоке Московия! Не нужно быть оракулом, чтобы понять: она захочет вернуть себе всё, что осталось от Киевской Руси. Как ни прискорбно признавать, русские становятся большой проблемой для нас. Что прикажешь делать польскому королю? Молча смотреть? Не станет, не для того на трон посажен. Найдутся и другие владыки, которые захотят вами перекусить. И ты наивно мечтаешь, что твоей мифической будущей родине позволят говорить на каком-то первобытном языке? **(Толкает ногой книги на полу.)** Знаешь, перед твоим титаническим трудом можно склонить голову. Но одного не пойму: зачем столько пустой траты времени? Говори на базаре хоть по-татарски, но язык религии должен быть каноническим. Для католиков – латынь, для православных... **(Осенило.)** Слушай, ты хочешь стать новым Кирилло-Мефодием? **(Зло рассмеялся.)** Ты всюду не успеваешь, Скорина! Ты – второй Франциск Ассизский, второй Ян Гус, второй Кирилл и третий Мефодий. Ты даже жену выбрал второсортную – вдову. Подобрал объедки за умершим другом. Ты неудачник, Скорина. А думал, что первопроходец! Ты – не Колумб, поверь мне. И твоя родина никогда не будет говорить на языке полоцких батраков, твои земляки будут выбирать польский, литовский, латинский, даже московский. Ты – мечтатель, Скорина, наивный полоцкий мечтатель, спустивший деньги отца, брата и всех меценатов в пустое дело. Нужно было заниматься шкурами, как отец. Он бы тобой гордился. СКОРИНА. А я верю.

Тяжелое молчание.

ЯН. Знаешь, Франциск. Я пришел сюда в бешенстве. Я приказал найти и изъять все твои книги, какие еще можно собрать. Я готов был сегодня же сжечь эту ересь **(Толкает книги ногой.)** на тюремном дворе. Казнить тебя мы бы не казнили, еще не хватало рубить голову доктору медицины в цивилизованном королевстве. Хотел заставить тебя отречься от убеждений. Многие это делают многократно и с большой пользой для себя. Не стану, живи своими наивными мечтами... Сейчас смотрю на тебя и думаю: зачем возводить проигравшего на пьедестал мученика, много чести. Да и руки марать не охота. Ты недостойн тернового венца. Ты жалкий, потерянный человек. Жизнь тебя и так отколошматила, сколько осталось! А тётка-история и без меня не оставит от тебя мокрого места. То, чего ты боишься больше всего – забвения – случиться без посторонней помощи. История не любит блаженных и юродивых, она любит героев без страха и упрека. Ты не её избранник. Пройдёт совсем немного времени, и твои книги рассыплются в прах или сгниют на дальних полках библиотек. А новых мы тебе напечатать не позволим, уж это я тебе обещаю. Ты – никто, славный доктор Франциск Скорина. **(Открывает дверь и громко кричит.)** Граф Гурка! Граф Гурка! **(Быстрые шаги Каштеляна.)**

КАШТЕЛЯН. К вашим услугам, ваше преосвященство.

ЯН. Подарите ему это сокровище. **(Указывает на книги.)**

КАШТЕЛЯН. А костёр?

ЯН. Отменяется. Не стоит повторять ошибок схизматиков-москвитов, которые сожгли тираж, привезенный на продажу Богданом Онковым. **(Скорине.)** Что, и Московскому митрополиту не пришлась по вкусу твоя ересь? Удивляешься? Всё мы про вас знаем, голубчики. **(Каштеляну.)** Поступим, как цивилизованные люди. Пусть уносит. Они всё равно никому не нужны. Поляки их не купят, остальные забросят в дальний угол.

КАШТЕЛЯН. Слушаюсь, ваше преосвященство. **(Скорина собирает книги.)** А что делать с самим арестованным? У меня – два королевских указа.

ЯН. Ах, да! **(Достает документ.)** Возьми, Франциск. Это избавит тебя от дальнейших хлопот.

СКОРИНА **(читает.)** Сигизмунд, божьей милостью король польский, великий... Что это?

ЯН. Королевский указ о твоём освобождении. Береги, как зеницу ока. Это привилей, твоя охранная грамота. Если, конечно, снова не полезешь с грязными помыслами в Библию.

СКОРИНА. Вы всемогущий.

ЯН. Почти. Только никому об этом не говори. И мой совет – уезжай подальше. Проведи старость в каком-нибудь приятном месте, на лоне природы, на свежем воздухе. Жизнь так коротка. Не забудь про рецепт, чувствую себя всё хуже и хуже. Граф, найдите ему перо и клочок бумаги. Оставьте меня одного, мне нужно справить молитву.

СКОРИНА. Я буду молить Бога о вашем здоровье, ваше преосвященство.

ЯН. По какому канону, язычник?

Прага. Королевский сад. (Лето 1550-го года от рождества Христова).

Постаревший Скорина неспешно осматривает цитрины, померанцы и яблони.

Замечает у ограды старуху.

СКОРИНА. Вы опять здесь?.. Опять будете молчать?.. Что высматриваете в саду его величества Фердинанда?.. На воровку не похожи, возраст не позволит сигануть через ограду... Почему вы приходите сюда каждый день?.. Нет других мест для прогулок?..

Помолчав, срывает яблоко и протягивает через решетку. Старуха уходит, не взяв плод.

СКОРИНА. Ходит и ходит... Смотрит и смотрит... Чего надо?.. Сумасшедшая старуха...

Задумчиво смотрит на яблоко. У ограды возникает фигура молодого человека.

Стараясь быть незамеченным, он следит за Скориной.

СКОРИНА (*бросает в юношу яблоко*). Яблочек захотелось? Что за народ такой? Лазят и лазят! Воруют и воруют! А потом виноват королевский садовник! Эй, Паоло!

СИМЕОН. Отец!

СКОРИНА (*не слышит*). Паоло! Хватит дрыхнуть! Беги сюда, снова гости пожаловали!

СИМЕОН (*громко*). Отец!!!

СКОРИНА. Что? Кто?

СИМЕОН (*подходит к самой решетке*). Отец, это я, твой сын Симеон.

СКОРИНА (*разглядывает юношу*). Симеон? Разве ты не умер?

СИМЕОН. Побойся Бога, отец, мне всего двадцать три.

СКОРИНА. Мне казалось, ты умер вместе с Маргаритой, своей матерью...

СИМЕОН. Отец, ты хорошо себя чувствуешь?

СКОРИНА. Хорошо ли я себя чувствую?..

Молчание.

СИМЕОН (*очень медленно, почти по слогам*). Отец, вспомни: ты оставил меня в Вильно на попечении родных в семилетнем возрасте... Ты посылал им деньги для моего содержания, пусть немного и нерегулярно, но хоть иногда... Теперь я вырос, закончил университет. (*Скорина с удивлением смотрит на сына.*) Вспомни, ведь ты так хотел, чтобы я пошел по твоим стопам.

СКОРИНА. Сколько книг ты перевел?

СИМЕОН. Господи, отец! Я стал врачом.

СКОРИНА. Конечно, конечно... Врачом! Лечить людей – самое благородное дело на свете. Знаешь, я всё меньше лечу людей, я их почти не лечу. Да и времени совсем не остаётся с этим садом. Прости, ты голоден, я сейчас принесу фруктов... (*Ковыляет вглубь сада.*)

СИМЕОН. Не нужно, отец! Я не голоден!

СКОРИНА. Нет, нет, ты обязан попробовать мои груши. Первый год, как заплодоносили. Таких груш в Полоцке не увидишь. Прекрасный сорт итальянского происхождения. Не могу дотянуться. Перелезь через забор, помоги мне. Да не бойся, не заругают, я здесь самый главный, меня здесь все боятся. Небось в Вильно все сады в детстве обобрал?

Симеон без восторга перелезает через ограду, помогает отцу.

СИМЕОН (*откусывает грушу*). Не дозрели еще.

СКОРИНА. Не может быть. (*Откусывает, садится на землю.*) Действительно. А с виду такая красивая... (*Молчание.*) Признаюсь тебе, Симеон, плохой я садовник.

СИМЕОН. Не расстраивайся, отец, груши дозреют.

СКОРИНА. Они, возможно и дозреют, а вот я, кажется, перезрел, даже сгнил... Работаю мало и плохо, без прежнего усердия. Вся эта ботаника – не моё... Значит, стал врачом? Поздравляю. Как там Сигизмунд правит? Потом покажу его охранную грамоту. Ты на сколько приехал?

СИМЕОН. Король Сигизмунд умер.

СКОРИНА. Богемская палата пишет и пишет на меня жалобы королю... Что ты сказал? Умер?

СИМЕОН. Два года назад.

СКОРИНА. Епископа Яна, его внебрачного сына, случайно, не выбрали новым королем?.. Не знаю, за какие заслуги терпит меня Фердинанд... Жалование задерживать стали...

СИМЕОН. Бискуп Ян умер.

СКОРИНА. Ян очень хитрый политик... Что?

СИМЕОН. Не дожив даже до сорока.

СКОРИНА. У него было больное сердце, я его хорошо знал.

СИМЕОН. Знаю, ты у него служил.

СКОРИНА. У кого я только не служил!.. А как там мой приятель Мартин Онков? (*Испугался.*) Только не смей говорить, что и он...

СИМЕОН. Жив, но...

СКОРИНА. Спился?

СИМЕОН. Разорился.

СИМЕОН. Магистрат возбудил против него иск за то, что отказался подчиняться магдебургскому праву. Король тут же освободил от службы.

СКОРИНА. Это мы сглазили. Не бывать, значит, бурмистром... За могилой матери смотришь?

СИМЕОН. Смотрю, больше некому.

Молчание.

СКОРИНА. Как-то залезли лихие люди, разбили в саду скульптуры и вырубili молодые деревца... Никого не поймали, влетело Паоло-каменотесу и мне. Хотя причем здесь я?

СИМЕОН. Отец, ты всю жизнь переезжал с места на место, почему ты осел в этом саду?

СКОРИНА. А разве быть садовником позорно?... Жалование задерживать стали...

СИМЕОН. Тебе нравится такая последняя строка твоей бурной биографии: умер садовником?

СКОРИНА. Я не простой садовник, а королевский...

СИМЕОН. Это после всего, что ты достиг?

СКОРИНА (*посмотрев на сына изменившимся серьёзным взглядом*). А чего я достиг, сынок?

СИМЕОН. Ты совсем забыл про свои книги...

СКОРИНА (*перебивает*). Когда-то я пытался лечить и возделывать души человеческие. Мне не удалось изменить мир. Теперь я возделываю землю, и это приносит видимые результаты. На склоне лет выяснилось: земля куда благодарней людей, она сторицей возвращает тому, кто поливает её своим потом. Землю не преобразишь в одно мгновение, но вода камень точит. Я пытаюсь преобразить маленький кусочек земли, сделать его лучше. Если каждый будет трудиться в своем саду, на земле станет лучше. Во всяком случае, я воочию и при жизни вижу результаты своего труда. Жаль, что я понял всё это слишком поздно, силы уже не те... И не самый лучший ботаник...

СИМЕОН. Я не ожидал тебя таким увидеть. Всё, что мне рассказывали про тебя, противоречит услышанному и увиденному.

Молчание.

СКОРИНА. Жалование задерживать стали...

СИМЕОН (*в раздражении*). Да слышал, слышал я! Если ты думаешь, что я приехал за деньгами, то ошибаешься. Я не нуждаюсь. И не ожидаю ничего, кроме долгов после тебя.

СКОРИНА. Скорей всего ты прав, сын. Наследство твоё будет скудным. Ты насколько приехал?

СИМЕОН (*помолчав*). Смысла оставаться не вижу.

СКОРИНА. Я так разочаровал тебя, Симеон?

СИМЕОН. Я мечтал увидеть великого человека, а вижу юродствующего старика. Ты в Праге для того, чтобы открутить колесо времени, чтобы вернуться в лучшие годы своей жизни?

СКОРИНА. Возможно.

СИМЕОН. Почему ты не нашел сил завершить дело своей жизни?

СКОРИНА. Не тебе меня осуждать, сын. Иногда обстоятельства оказываются сильнее нас.

СИМЕОН. Это слова слабого. Я стану сильнее тебя. Я преодолею любые обстоятельства.

СКОРИНА. Дай-то Бог, сынок, дай-то Бог...

СИМЕОН. Прощай. Прости, отец... (*Перепрыгивает через ограду и уходит.*)

СКОРИНА (*вспоминая что-то своё*). Прости, отец... Так надо... Я всё обдумал... Наша порода...

Симеон Скорина... (*Крестит вослед сына, замечает у ограды старуху.*) Опять вы здесь?... Опять будете молчать?..

Прага. Королевский сад. (Осень 1550-го года от рождества Христова).

В саду жгут опавшие листья. Скорина осматривает виноградную лозу, щелкают садовые ножницы. Замечает у ограды старуху.

СКОРИНА. Вы опять здесь?.. Даже холод вас не страшит!.. Ну, молчите, молчите... Мне вот с каждым годом всё холодней становится. Приходится кутаться во всякое отрепье. Старость, понимаете... Вы, разумеется, понимаете, не девушка уже... Извините, что сегодня не при параде, погода не располагает, того и гляди, снег пойдёт... Угостить вас нечем, виноград собрали... Молчите?.. Опять молчите!.. Проклятье, сколько можно молчать?.. Кто вы?.. Кто ты, старуха?.. Смерть, пришедшая за мной? Сегодня я не собираюсь умирать. Пошла вон, старая карга! Пошла вон отсюда! Не крутись возле моего сада! Убери свои костлявые лапы от решетки! Где косу спрятала?

СТАРУХА. Франциск.

СКОРИНА (*выронил из рук ножницы*). Господи.

СТАРУХА. Неужели за столько месяцев сердце не дрогнуло? Неужели не узнал? Прикидываешься, играешь, ослеп?

СКОРИНА. Удивительно, у женщин почти не меняются голоса к старости...

Молчание. Смотрят друг на друга через ограду.

ФРАНТИСКА. А лица?.. Впрочем, не отвечай. Ты столько раз уже назвал меня сумасшедшей старухой. Сегодня вот совсем договорился.

СКОРИНА. Прости, Франтиска!

ФРАНТИСКА. Опять это «прости»! (*Улыбаясь.*) Терпеть не могу эти мужские «прости». Оскорби, ударь, только не нужно этого униженного «прости». Помнишь ту чумную Прагу?

СКОРИНА. Я не помню, что было вчера, сегодня утром, год назад – время слилось в один бесконечный, никак не заканчивающийся день. А последний день в той вымирающей Праге – стоит и стоит перед глазами. Эпидемия тебя пощадила, слава Богу... Я боялся расспрашивать о тебе, боялся услышать самое страшное... Ты замужем?.. Муж построил тебе дом?.. Вы нарожали детей, как ты мечтала, дождались внуков?

ФРАНТИСКА. Нарожали, дождались, мы даже успели вместе встретить старость.

СКОРИНА. Я рад за тебя... И твоего мужа.

ФРАНТИСКА. Ему не стоит завидовать, год назад он ушел из жизни.

СКОРИНА. Прости.

ФРАНТИСКА. Даже такое «прости» мне не по душе.

СКОРИНА. Ты любила его?

ФРАНТИСКА. Любила ли я мужа? Не помню. Да и разве это так важно, когда столько лет живешь с человеком под одной крышей?

Долгое молчание.

СКОРИНА. Что же мы разговариваем через решетку. Сейчас позову Паоло, он отопрёт калитку. (*Кричит.*) Паоло! Паоло! Где ты, лежебока? Паоло, принеси ключ от калитки! Паоло! Не слышит... Сам схожу...

ФРАНТИСКА. Не нужно, не трать силы и время. Я ненадолго. Нужно возвращаться к обязанностям бабушки. Я очень хорошая бабушка, Франциск.

СКОРИНА. А я плохой отец... Почему ты столько дней молчала у этой ограды?

ФРАНТИСКА. Старики вообще мало говорят. Разве в нашем возрасте нужно много слов?

Молчание.

СКОРИНА. Хочешь, чтобы я что-то рассказал о себе?

ФРАНТИСКА. Зачем? Старики понимают друг друга без слов.

СКОРИНА. Если бы я тогда остался в Праге...

ФРАНТИСКА. К чему гадания? Жизнь прошла, мой Франциск. Надеюсь, несмотря на твой сегодняшний вид, ты бывал в жизни счастлив.

СКОРИНА. Бывал.

ФРАНТИСКА. Встретил любовь?

СКОРИНА. Встретил.

ФРАНТИСКА. Тогда мы оба должны быть благодарны чуме, разлучившей нас.

Молчание.

СКОРИНА. Можно поцеловать тебя, Франтиска?

ФРАНТИСКА (*рассмеялась*). Какие вы всё-таки дети, мужчины. Дети до самой смерти.

СКОРИНА. Прости.

ФРАНТИСКА. Опять «прости»!

СКОРИНА. Прости за «прости».

ФРАНТИСКА. Ты нашел свою правду? Или она ускользнула от тебя?

СКОРИНА. Зачем ты спрашиваешь? Старики всё понимают без слов.

Молчание. Кто-то топчется в саду, шурия листьями.

ГОЛОС ПАОЛО. Да вот он, ваш садовник. Старик, тебя тут очень странная парочка разыскивает. Один на ломанном чешском говорит с каким-то татарским акцентом, второй – вообще еврей. Оба утверждают, что ты – доктор медицины и еще чего-то там доктор. Я бы не стал их пускать, но еврей щедро дал мне два гульдена, так что прости, не удержался, ты меня знаешь. Вместе пропьём завтра.

Из белого дыма осенних костров выходят

Печатник и Исаак в сопровождении каменотёса Паоло.

ИСААК (*Печатнику*). А ты говорил, не найдём! Вот он, наш Агасфер неприкаянный. (*Паоло.*)

Спасибо, любезный. Вот тебе еще гульден. Как тебя, беднягу занесло сюда из Италии?

ПАОЛО. Премного благодарен. Итальянцу где платят – там и родина. Только холодно очень.

ПЕЧАТНИК. Ну и забрались вы, господин доктор!

ИСААК. Не могу подобрать вам комплимент по поводу внешнего вида. Костюмчик мог быть и поизящней. Не осуждаю, не ждали встречи.

СКОРИНА. Как вы меня нашли?

ИСААК. А вы думали, спрятались за высоким забором и никто не найдёт? За деньги все двери откроют и все тайны выложат.

СКОРИНА. Выглядишь великолепно, Исаак.

ИСААК. Я же обещал удивить. Ваши уроки врачевания дали хорошие всходы.

ПЕЧАТНИК. Исаак теперь важная птица – лучший врач в Варшаве. Шляхта в очередь становится, чтобы попасть к нему на приём.

ИСААК. Ну, королей пока не лечим. К королям иудеев не подпускают, особенно польским. А про остальное – кто бы спорил, я не буду. Всё благодаря вам, доктор.

ПАОЛО (*Скорине*). Ты в самом деле доктор, старик? Подумать только!

СКОРИНА. Иди к своим камням, каменотес. (*Неприветливо гостям.*) Зачем я вам понадобился?

ИСААК. Пётр, мне показалось или доктор действительно не в духе?.. Мне, собственно, ничего не нужно. У меня с некоторых пор всё есть. Плюсом к медицинской практике открыл в Варшаве, Кракове и Вильно аптеки. Про ваш Полоцк подумываю. Наезжаю частенько в Прагу за новыми лекарствами. Нужно держать нос по ветру, конкуренты не дремлют. А Пётр узнал, напросился в попутчики. Что-то хочет вам предложить.

СКОРИНА (*резко и грубо*). Новые сорта фигового дерева? Саженцы смоковницы? Литовскую капусту? Пальмовую ветвь или терновый куст?

Тяжелое молчание.

ИСААК. Пётр, похоже, твоя поездка на глазах теряет смысл.

ПЕЧАТНИК. Вы сильно постарели, господин доктор.

СКОРИНА. А ты надеялся увидеть юношу с горящими глазами?

ПЕЧАТНИК. Сломались?

СКОРИНА (*срывается в крик*). Я – обрёл покой, чёрт бы вас всех подрал!!! Покой!!!

ИСААК (*выдержав паузу*). Покой – важнейшая составляющая выздоровления. Его нельзя нарушать.

Пётр, ты ошибся в ожиданиях.

ФРАНТИСКА. Франциск, нужно дотерпеть жизнь.

Только сейчас гости обращают внимание на стоящую за оградой Франтиску.

ИСААК. Петр, ущипни меня: не сплю ли я? Я знаю этот голос! Неужели поэма «Франциск и Франтиска» срифмована?

ФРАНТИСКА. Разочарую тебя, Исаак. Жизнь не нашла подходящих рифм и оказалась прозой.

ПЕЧАТНИК. Какая странная встреча! Думал, в жизни так не бывает. Как в дурной пьесе.

ИСААК. Чаще всего в жизни случается именно то, чего не может быть в принципе.

ПАОЛО (*который внимательно слушает разговор*). Слушай, старик, а не принести ли нового вина, выпьете за встречу. Без вина у вас как-то не клеится беседа...

СКОРИНА (*кричит*). Иди к своим камням, каменотес!

Молчание.

ПЕЧАТНИК. Какой-то Мартинас Мажвидас перевёл и напечатал в Кенигсберге первую книгу на литовском, «Катехизис»... Года три назад... Вот и литовцы подросли... Листал, наши книги красивее...

Молчание.

ПЕЧАТНИК. В Москву уезжаю... Новый русский царь Иван, четвертый, кажется, начал собирать мастеров печатного дела по всей Европе... Вроде из Дании кого-то выписали... Поеду, попытаю счастья. Зачем пропадать умению? Труд с вами многому научил. Я ведь теперь не только переплетать могу, всему обучился...

Молчание.

ПЕЧАТНИК. Резчиков собирают вот... В Новгороде, говорят, хорошо умеют резать резь всякую...

Молчание.

ПЕЧАТНИК. Пойдём, Исаак, что ли?.. Пустая поездка... Ну, хоть Прагу вспомнил, когда еще доведётся.

ИСААК. Холодает... Снег пойдёт... Обратная дорога будет трудной, в грязи увязнем.

ПЕЧАТНИК. Знаете, доктор, когда делом занимается лично царь, казна щедра, да еще православный митрополит поддерживает, результат не заставит себя ждать. У московитов скоро будет своя печатная Библия, на правильном русском языке... Может, не стоило идти против всех?.. Прощайте. (*Исчезает в дыму*)

ИСААК. Как у вас, христиан, всё сложно... Вроде вера одна, а как разделяет людей! У нас, иудеев, всё просто: еврей – значит иудей, иудей – значит еврей. Всё понятно, как Моисей завещал. Вы – наивный мечтатель, доктор Франциск. Я всегда сомневался в ваших потугах перевести Тору. Может, стоило крепче держаться за медицину, она более надежный фундамент для жизни. Посмотрите на меня, яркое тому подтверждение. Простите мой острый язычок. Когда-то он вам нравился. Но, похоже, сегодня мой юмор не имеет успеха. Прощайте. И вы прощайте, Франциска. Подожди, Петр, догоняю... (*Оборачивается на полпути.*) А вы знаете, что иудейская Тора переписывается вручную? И если переписчик ошибётся лишь в одной букве, начинают новый свиток? Это – вековый закон. Печатной Тора никогда не станет. Вам не кажется, что в этой традиции кроется великий смысл...

СКОРИНА. Исаак, ты не знаешь, случайно, в Варшаве неких Моисея и Лазаря?

ИСААК (*глядя в глаза Скорине*). Мало ли на свете всяких Моисеев и Лазарей! Все мы немножечко моисеи. (*Паоло.*) Выведи нас, добрый человек, из этого райского сада. (*Уходят.*)

Молчание.

ФРАНТИСКА. Я тебя очень люблю, Франциск.

СКОРИНА. За что?

ГОЛОС. Ели не ошибаюсь – книгопечатник Франциск Скорина из Полоцка?

СКОРИНА. Да за что мне сегодня такая мука, Господи!

Из дыма выходит молодой человек, как две капли похожий на Яна Северина.

СКОРИНА. Франциска, ущипни меня! – воскресший Ян Северин.

ПАВЕЛ СЕВЕРИН. Ну что вы, доктор Франциск! Я действительно Северин, но Павел, сын вашего покойного друга. Продолжаю дело отцовское, печатаю книги.

СКОРИНА. Я думал, схожу с ума – одно лицо.

ФРАНТИСКА. Северин умер? Не слышала. Сначала он показался мне таким страшным. А потом мы даже подружились.

ПАВЕЛ СЕВЕРИН. Отец ушел в лучший мир сорок дней назад.

Молчание.

ФРАНТИСКА (*Скорине*). Ты знал, ты знал, ты знал... Поэтому ты такой злой? Поэтому ты выгнал своих преданных слуг? Господи, кто он тебе, этот Ян Северин?

СКОРИНА. Друг... Человек... Судья... Прохожий... Зашел поесть... Не знаю...

Молчание.

ПАВЕЛ СЕВЕРИН. Согласно завещанию отца на сороковой день после смерти я должен передать вам...

СКОРИНА (*перебивает*). Я не возьму ни копейки! Я на службе у короля Фердинанда и всем обеспечен.

ПАВЕЛ СЕВЕРИН. Это всего лишь письмо. (*Передает конверт.*)

СКОРИНА. Если это деньги – не возьму. (*Открывает конверт.*) Что это? Я плохо вижу.

ФРАНТИСКА. Титульный лист твоей книги Бытия.

СКОРИНА (*переворачивает лист*). Что тут написано? (*Кричит.*) Что тут написано, что тут написано, я не могу разобрать, прочтите кто-нибудь!

ПАВЕЛ СЕВЕРИН (*берёт лист*). Это по-чешски: «Благодарю Бога, что он даровал мне ту случайную встречу в Краковской корчме. Твои книги – самые прекрасные, которые мне довелось печатать. Согласись, самое важное в жизни, чтобы кто-то вовремя сказал тебе нужное слово. А деньги – ничего не решают в жизни. Даже если имя моё канет в лету, я буду утешать себя – в аду ли, в раю – что был причастен к богоугодному делу. Горжусь тобой, твой Ян Северин».

Безмолвие.

СКОРИНА. Павел, Франтишка, оставьте меня одного. Мне нужно помолится.

ФРАНТИСКА. По-чешски? По-польски? По-литвински? По-русски? На латыни? Кто ты, Франциск?

СКОРИНА. Иисусова молитва одинакова на всех языках.

Франциск молится, читая «Отче наш».

Далее – многовековое безмолвие.

24 августа 2016 года.

ИЛЬЕВСКИЙ ТИМОФЕЙ

Телефон: +375 33 698 99 55

ilyeuski@mail.ru

ilyeuski@gmail.com

ivan-krepostnoi@rambler.ru